

И О В Ы И Ў
М И Р

N M O I V R Y

2

1992

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 2 (802)

Февраль, 1992 г.

УЧРЕДИТЕЛИ: ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ФОНД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР, ЦЕНТР «НОВЫЙ МИР»

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
АРМАНДО ВАЛЬЯДАРЕС — С надеждой в сердце... Главы из книги. Перевела с испанского Е. Богуш. Предисловие Василия Селю- нина	3
ЛЕОНИД ГРИГОРЬЯН — Это мы накануне восстанья, стихи	42
ВИКТОР АСТАФЬЕВ — Забубенная головушка. Из книги «Послед- ний поклон»	44
БАХЫТ КЕНЖЕЕВ — Из новых стихов	63
Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ — Время ночь	65
АНДРЕЙ ВОЛОС — Кудыч, повесть	111
ГЕНРИХ САПГИР — Развитие метода, стихи	149
АЛЕКСАНДР БОРОДЫНЯ — Обманки	153
ВАЛЕРИЙ ПИСКУНОВ — Фили, платформа справа. Рассказ ниги- листа	163
НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ	
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ — Как занавес пусть распахнется мест- ность, стихи. Перевели с немецкого Евг. Храмов, Д. Щедровиц- кий, Б. Скуратов	174
РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР	
А. СОЛЖЕНИЦЫН — Темплтоновская лекция	179
АНТОНИЙ, митрополит Сурожский — О встрече. Публикация и подготовка текста Е. Майданович	184
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
ДАНИИЛ ХАРМС — «Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние». Записные книжки. Письма. Дневники. Публи- кация, вступительное слово и послесловие Владимира Глоцера	192
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН — Постмодернизм: новая первобытная куль- тура	225
СЕРГЕЙ НОСОВ — Литература и игра	232
РЕДАКЦИОННОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ: ИГРАЕМ В МЭЙЛ-АРТ	237

(См. на обороте)

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство

240

Майя Кучерская. Двоящийся пейзаж.

В. Камянов. Свободен от поста.

Яков Кротов. Джентльмен в царстве Божьем.

Политика и наука

247

Юрий Борисов. Кардинал Ришелье: гений или злодей?

КОРОТКО О КНИГАХ:

Леонид Клейн. — I. Борис Вахтин. Так сложилась жизнь моя.. Повести и рассказы. II. Закир Дакенов. Полетим, кукушечка, в дальние края. Закир Дакенов. Вышка. ♦

Вячеслав Маркин. — П. А. Кропоткин. Этика. Избранные труды

251

РУССКАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ

255

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

ВИКТОР АСТАФЬЕВ. Вечерние раздумья. Заключительная глава из книги «Последний поклон».

АРМАНДО ВАЛЬЯДАРЕС. С надеждой в сердце... Главы из книги. Перевела с испанского Е. Богуш.

ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО.левой!левой!левой!.. Метаморфозы революционной культуры.

В. ДОМОГАЦКИЙ. Кладовка. Попытка консервации.

НИКОЛАЙ КОНОНОВ. В трезвом уме. Короткий роман.

ЮРИЙ КРАСАВИН. Валенки. Послевоенная повесть.

ВИЙВИ ЛУЙК. Красота истории. Роман. Перевела с эстонского Е. Каллонен.

В. ПЕРЦОВСКИЙ. Сквозь революцию как состояние души. Заметки о советской литературной истории.

ПРИСТАНИЩЕ ВЕТХОЙ СВОБОДЫ. Из наследия Александра Сопровского. Вступительное слово Б. Кенжеева. Послесловие Я. Кротова.

НАТАЛИ САРРОТ. Дар речи. Перевела с французского И. Кузнецова.

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО КРУЖКА «ВОСКРЕСЕНИЕ» (20-е годы:

М. Вахтин, Л. Пумпянский, А. Меер).

РОБЕРТ ПЕНН УОРРЕН Пещера. Роман. Перевела с английского И. Сумарокова.

АФНАСИЙ ФЕТ. Из деревни. Очерки.

Д.Д. ШОСТАКОВИЧ О РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ И ХОРЕ ИМЕНИ ПЯТНИЦКОГО. Публикация Л. Либединого.

ДОРА ШТУРМАН. Они — ведали.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ «НОВОГО МИРА» ЗА РУБЕЖОМ

Все права на проведение подписки на журнал во всех странах (кроме СССР) принадлежат германской фирме «A. NEIMANIS». По всем вопросам, связанным с подпиской и распространением журнала за рубежом, следует обращаться по адресу:

A. Neimanis Buchvertrieb & Verlag Hans-Sachs-Str. 10, 8000 München 5, Germany. Tel. 089/26 30 76, fax 26 30 77.

ДАНИИЛ ХАРМС

*

«БОЖЕ, КАКАЯ УЖАСНАЯ ЖИЗНЬ И КАКОЕ УЖАСНОЕ У МЕНЯ СОСТОЯНИЕ»

Записные книжки. Письма. Дневники

Может ли образ человека отразиться в считанных строчках, притом вполне иронических?

Может, если этот человек — Хармс.

«Не знаю, почему все думают, что я гений; а по моему я не гений. Вчера я говорю им: Послушайте! Какой же я гений? А они мне говорят: такой! А я им говорю: Ну какой же такой? А они не говорят какой и только и говорят, что гений и гений. А по моему я все же не гений.

Куда не покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. «Ну что это в самом деле!» говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках».

Он с о з д а в а л свой образ. И этот образ ни на йоту не расходился с тем, что он писал изо дня в день.

Недаром его друг Александр Введенский говорил, что Хармс — это само искусство.

О нем, поэте, прозаике, драматурге, нам известно уже очень многое. Но чем больше мы узнаём, тем легче слетает шелуха шутливого клоунского облика, каким его на первых порах знакомства представляли нам некоторые его современники.

Может быть, в его поведении не было игры, шутливости, веселья? Было. И очень много. Хотя бы потому, что он был молод. Тридцать пять лет, когда он навсегда скрылся за воротами тюрьмы, — возраст, конечно, молодой.

Но не шутливостью влюбляет в себя Хармс. А — как ни странно — своей серьезностью. Высоким отношением к искусству, к слову-делу. Отношением, которое по-особенному окрашивает не только им написанное, но и, как это ни парадоксально, сочиненное другими, в его, хармсовское, время.

Его писательская судьба накладывает свой ответ на множество писательских судеб, складывавшихся в те же 20-е—30-е годы, в его время.

Могут возразить: как же так? о каком ответе может идти речь, когда он при жизни опубликовал всего два свои стихотворения — из того серьезного, «взрослого», которое безусловно считал для себя главным, делом жизни?

Да, именно поэтому и ложится ответ его особенной писательской судьбы на судьбы других литераторов. Обреченный на пожизненную безгласность своего слова, он не отрекся от своего пути, от своего призвания. И несмотря на все помехи, несмотря на аресты, обыски, возвращаясь, продолжал свое дело — писать.

Он никогда не забывал, что он творец. Новатор. Искатель. «Нет уважения ко мне писателю. Нет между ними подлинных искателей», — обронил он в 1933 году в записной книжке.

Его небольшие, короткие рассказы и сцены вобрали в себя многое из бесчеловечных отношений времени, из того абсурда, в котором пребывали люди в нашей стране. Из абсурда трагического. А пьеса, написанная вскоре после десятилетия Октября, «Елизавета Бам», и поставленная на сцене ленинградского Дома Печати в январе 1928 года, дышала трагедией загнанного человека, личности, преследуемой и безвинно погибающей за несодееянное преступление. Ситуация, в которую попадает Елизавета Бам, уже

В публикации сохраняется орфография и синтаксис подлинника.

© Состав. Вступительное слово, послесловие и комментарии. Владимир Глоцер. 1992

сделалась реальной для миллионов и становилась реальной для новых десятков миллионов. «Я не убивала никого! Я не могу убивать никого!» — всегда стоит в ушах крик героини.

Два стихотворения плюс один раз прошедшая «Елизавета Бам» плюс стихи и сказки для детей — вот и всё, что мог узнать читатель и зритель его времени под его именем.

Поэтому он прозревал своего читателя в потомках и обращался к своим сочинениям, как к своим детям. «Мои творения, сыновья и дочери мои...»

В нынешней публикации Даниил Хармс предстает не своими рассказами, стихотворениями и пьесами, составившими ему теперь всевропейскую, даже всемирную славу. Они уже известны читателю, и читателю «Нового мира» в первую очередь, — журнал публиковал три года назад (1988, № 4) его самую большую прозу (30 страниц на машинке), повесть «Старуха», некоторые стихотворения и письма к актрисе К.В. Пугачевой, в которых высказано его человеческое и литературное кредо.

В настоящей публикации Даниил Хармс (1905—1942) предстает страницами, которые как бы не предназначались для постороннего глаза, во всяком случае для широкого читателя: заметками из записной книжки, письмами, дневниковыми записями. Тем яснее становится, чем жил и кем был этот удивительный человек и писатель, разделивший судьбу миллионов безжалостного советского времени.

I

Что меня интересует

Стихи.

Укладывать мысли в стихи.

Вытягивать мысли из стихов.

Опять укладывать мысли в стихи.

Проза.

Озарение, вдохновение, просветление, сверхсознание.

Пути достижения.

Нахождение своей системы движения.

Различные знания неизвестные науке.

Общие законы различных явлений.

Ноль и НОЛЬ.

Числа.

Знаки.

Буквы.

Шрифты и почерка.

Всё логически бессмысленное и нелепое.

Всё вызывающее смех.

Глупость.

Юмор.

Естественные мыслители.

Приметы.

Из архива Я.С. и Л.С. Друскиных (Санкт-Петербург) и фонда 1232 (Я.С. Друскина) в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург).

Индивидуальные суеверия.

Чудеса.

Фокусы ручные, но не иллюзоны с аппаратами.

Человеческие взаимоотношения, частные.

Хороший тон.

Человеческие лица.

Красота женщин.

Половая физиология женщин.

Запахи.

Ликвидация брезгливости.

Умывание, купание и ванна.

Чистота и грязь.

Пища.

Приготовление некоторых блюд.

Подавание блюд к столу.

Курение трубки и сигар.

Устройство дома, квартиры и комнаты.

Одежда мужская и женская.

Меня интересует: что интересует других?

Что делают люди наедине с собой.

Сон.

Записные книжки.

Писание по бумаге чернилами или карандашом.

Бумага, чернила, карандаши.

Ежедневная запись событий.

Маленькие гладкошёрстные собаки.

Женщины, но только моего любимого типа.

Муравейники.

Палки трости.

вода.

Колесо.

Метеорология.

Меня интересуют добрые старушки из хорошего дома.

Фазы луны.

Запись погоды.

Запись событий.

Каббала.

Пифагор.

<1933>

Не ищи глупого — сам найдется, ищи мудрого — нигде не найдешь. (Папа).

Глупый ищет мудрого среди глупых, а мудрый находит его. (Я).

<1925>

По всей вероятности вся моя жизнь пройдёт в страшной бедности и хорошо я буду жить только пока я дома, да потом может быть если доживу лет до 35—40.

<1926>

ВСЕ СЛОВА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ.

Сейчас еще не устоялся наш быт. Ещё нет бытового героя. А если он есть, то его ещё не замечает глаз. А если его и замечает глаз, то не узнают его другие.

Либо вечно либо невечно. Почти вечно не существует, оно есть простое невечно. Но явление почти невечно возможно, хотя мы отнесём его к вечному. В наших устах оно прозвучит как только могущее совершиться, т. е. вечное, но могущее стать не вечным. Как только оно совершится, оно станет нашим уже не вечным. Но существует ли несовершенство? Я думаю в вечном — да.

<1929>

Ищи то, что выше того, что ты можешь найти.
Зря слов не пиши.

Стойте! Остановитесь и послушайте какая удивительная история. Я даже не знаю с какого конца начать. Это просто невероятно!

Ненавижу людей которые способны проговорить более 7 минут подряд.

Нет ничего скучнее на свете чем если кто ни будь рассказывает свой сон, или о том, как он был на войне, или о том, как он ездил на юг.

Многословие — мать бездарности!

Числа, такая важная часть природы! И рост и действие, всё число.

А слово, это сила.

Число и слово — наша мать.

<1930?>

6 мая 1931 года.

Приступить хочу к вещи состоящей из 11 самостоятельных глав. 11 раз жил Христос, 11 раз падает на землю брошенное тело, 11 раз отрекаюсь я от логического течения мысли.

Название второй главы должно быть: перекладина. Это перекладина снятая с четырехконечного креста.

Сила заложенная в словах должна быть освобождена. Есть такие сочетания из слов при которых становится заметней действие силы. Нехорошо думать, что эта сила заставит двигаться предметы. Я уверен, что сила слов может сделать и это. Но самое ценное действие силы, почти неопределимо. Грубое представление этой силы мы получаем из ритмов метрических стихов. Те сложные пути, как помощь метрических стихов при движении каким либо членом тела, тоже не должны считаться вымыслом. Это грубейшее и в то же время слабейшее проявление словесной силы. Дальнейшие действия этой силы вряд-ли доступны нашему рассудительному пониманию. Если можно думать о методе исследования этих сил, то этот метод должен быть совершенно иным чем методы применяемые до сих пор в науке. Тут, раньше всего, доказательством не может служить факт либо опыт. Я ХЫ затрудняюсь сказать, чем придётся доказывать и проверять сказанное. Пока из<в>ест<н>о мне четыре вида словесных машин: стихи, молитвы, песни и заговоры. Эти машины построены не путём вычисления или рассуждения, а иным путём, название которого АЛФАВИТ.

В предисловии к книге описать какой то сюжет, а потом сказать, что автор для своей книги выбрал совершенно другой сюжет.

Приступить к чистому вымыслу так приятно.
Я это сейчас собираюсь проделать.

<1931>

Лучше удаются художественные произведения изображающие отрицательные стороны человеческой природы. Так же лучше удаются произведения начатые с безразличного или даже плохого слова.

Числа, в своём нисхождении, не оканчиваются нулём. Но система отрицательных количеств, вымышленная система. Я предполагал создать числа меньше нуля — Cisfinitum. Но это тоже было неверно. Ноль включает в себе самом эти неизвестные нам числа. Может быть правильно было бы считать эти числа как некие нулевые категории. Таким образом, нисходящий ряд чисел принял бы такой вид:

..... 3 — категория III
2 — категория II
1 — категория I
0 — категория 0
категория двух 0-ей
категория трёх нулей
категория четырёх нулей
..... и т. д.

Пре<д>лагаю ноль образующий некие категории называть ноль и изображать не в виде удлинённой окружности \bigcirc , а точным кружком \bigcirc .

Вторник 19 сентября 1933 года.

Я не люблю детей, стариков, старух и благоразумных пожилых.

Травить детей — это жестоко. Но чтонибудь ведь надо же с ними делать!

Я уважаю только молодых, здоровых и пышных женщин. К остальным представителям человечества я отношусь подозрительно.

Старух, которые носят в себе благоразумные мысли, хорошо бы словить арканом.

Всякая морда благоразумного фасона вызывает во мне неприятное ощущение.

<1937?>

Он был так грязен, что однажды рассматривая свои ноги, он нашёл между пальцев засохшего клопа, которого видно носил в сапоге уже несколько дней.

Обладать только умом и талантом слишком мало. Надо иметь ещё энергию, реальный интерес, чистоту мысли и чувство долга.

<1937>

Однажды я вышел из дома и пошёл в Эрмитаж. Моя голова была полна мыслей об искусстве. Я шёл по улицам, стараясь не глядеть на непривлекательную действительность.

<1940>

II

Т. А. Липавской*

20-го августа 1930 года.

Тамара Александровна,

должен сказать Вам, что я всё понял. Довольно ломать дурака и писать глупые письма неизвестно кому. Вы думаете: он глуп. Он не поймет. Но Даниил Хармс не глуп. Он всё понимает. Меня матушка не проведёшь! Сам проведу. Ещё бы! Нашли дурака! Да дурак-то поумнее многих других, умных.

Не стану говорить таких слов, как издевательство, наглость и пр. и пр. Всё это только уклонит нас от прямой цели.

Нет, скажу прямо, что это чорт знает что!

Я всегда говорил, что в Вашем лице есть нечто преступное. Со мной спорили, не соглашались, но теперь пусть лучше попридержат язык за грибами или за зубами или как там говорится!

Я прямо спрашиваю Вас: что это значит? Ага! вижу как Вы краснеете и жалкой ручонкой хотите отстранить от себя этот неумолимый призрак высокой справедливости.

Смеюсь, глядя на то как Вы лепечете бледные слова оправдания.

Хочу над Вашими извинениями.

Пусть! Пусть эта свинья Бобрикова сочтёт меня за изверга.

Пускай Рогнедовы обольют меня помоями!

Да!... впрочем нет.

Не то.

Я скажу спокойно и смело: Я разъярён.

А Вы знаете на что я способен? Я волк. Зверь. Барс. Тигр. Я не хвастаюсь. Чего мне хвастаться?

Я призираю злобу. Мне злость не понятна. Но святая ярость!

Знаем мы эти малороссийские поля и конавы.

Знаем и эти пресловутые 20 фунтов. Валентина Ефимовна** уехала в Москву. Цены на продукты дорожают.

Даниил Хармс.

* Тамара Александровна Липавская, урожденная Мейер (1903—1982) — первая жена А.И. Введенского, потом жена Л.С. Липавского, друзей Даниила Хармса. Последние годы своей жизни посвятила составлению «Словаря языка Введенского» (хранится в Рукописном отделе Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге).

** Валентина Ефимовна Гольдина (1902—1968) — художница по тканям, после войны — корректор.

5 декабря 1930 года.

Дорогая Тамара Александровна,

Я люблю Вас. Я вчера, даже, хотел Вам это сказать, но Вы сказали, что у меня на лбу всегда какая-то сыпь и мне стало неловко. Но потом, когда Вы ели редьку, я подумал: «Ну хорошо, у меня некрасивый лоб, но зато ведь и Тамарочка не богиня». Это я только для успокоения подумал. А на самом деле Вы богиня,— высокая, стройная, умная, чуть лукавая и совершенно не оцененная!

А ночью я натёр лоб политурой и потом думал: «Как хорошо любить богиню, когда сам бог». Так и уснул.

А разбудил меня папа и, довольно строго, спросил кто у меня был вчера. Я, говорю, были приятели.

— Приятели? — сказал папа.

Я говорю были Введенский*, Липавский** и Калашников***

А папа спросил не были-ли кто ни будь, так сказать, из дам. Я, говорю, что сразу этого не могу вспомнить. Но папа что-то сделал (только я не скажу что) и я вспомнил и говорю ему: «Да, папочка, были такие-то и такие-то мои знакомые дамы и мне их нужно было видеть по делу Госиздата, Дома Печати и Федерации Писателей». Но это не помогло.

Дело в том, видите-ли, что Вы решили буд-то я вроде как-бы, извините, Яша Друскин****, а я, на самом деле, это самое, значительно реже.

Ну вот и вышло, что папа раньше меня прочёл и показал Лидии Алексеевне (это такая у нас живёт).

А я и не знаю, что там такое написано.

— Нет, — говорит папа, — изволь, иди следом за мной и изволь всё объясни.

Я надел туфли и пошёл.

Прихожу, вижу, Боже ты мой! С одной стороны и приятно видеть, а с другой стороны стоят тут рядом папа и Лидия Алексеевна.

— Я, — говорит Лидия Алексеевна, — сюда больше ходить не могу, а то и про меня ещё чего ни будь напишут.

И папа раскричался тоже.

— Это, кричит, — не общественная!

Ну что тут скажешь! Я стою себе и думаю: «Любит ведь, явно любит, коли до этого дошло! Ведь вон, думаю, каким хитрым манером призналась! Но которая? Вот вопрос. Ах, если-бы это была она! т.-е. Тамара!»

Только это я так подумал, вдруг звонок, приходит почтальон и приносит мне три заказных письма. И выходит, что все три зараз любят. А что мне до других, когда я Вас, именно Вас, дорогая Тамара Александровна люблю.

Как увидел Вас, пять лет тому назад в Союзе Поэтов, так с тех пор и люблю.

Сильно сломило это мою натуру. Хожу как дурак. Апетита лишился. А съем, что через силу, так сразу отрыжка кислая. И сна лишился. Как только спать, так левую ноздрю закладывает, прямо не продохнёшь!

Но любовь, можно сказать, священный пламень, всё прошибёт!

Пять лет любовался Вами. Как Вы прекрасны! Тамара Александровна, если б Вы только знали!

Милая, дорогая Тамара Александровна! Зачем Шурка мой друг! Какая насмешка судьбы! Ведь, не знай я Шуру, я бы и Вас не знал!

Нет!..

Или вернее да! Да, только Вы, Тамара Александровна, способны сделать меня счастливым.

Вы пишете мне: «...я не Ваш вкус».

Да что Вы, Тамара Александровна! До вкуса-ли тут!

Ах! Слова бессильны, а звуки неизобразимы!

Тамарочка, радуга моя!

Твой Даня.

* Александр Иванович Введенский (1904—1941) — поэт и детский писатель. Друг Хармса с середины 20-х годов. Был вместе с ним в курской ссылке. Репрессирован в 1941 году в Харькове и погиб во время высылки по дороге в Казань.

** Леонид Савельевич Липавский, псевдоним — Л. Савельев (1904—1941) — поэт и детский писатель, автор философских и лингвистических работ. Погиб на фронте под Ленинградом.

*** Петр Петрович Калашников, научный работник и писатель, был арестован и проходил по одному «делу» с Хармсом, Введенским и другими в 1931—1932 годах.

**** Яков Семенович Друскин (1902—1980) — философ, музыкант и теолог. Сберег рукописи Д. Хармса, А. Введенского и Н. Олейникова, хранящиеся в архиве Хармса.

[1933?]

Дорогой

Доктор,

я был очень, очень рад, получив Ваше письмо. Те несколько бесед, очень отрывочных и потому неверных, которые были у нас с Вами, я помню очень хорошо и это

единственное приятное воспоминание из Курска. Что хотите, дорогой Доктор, но Вам необходимо выбраться из этого огорода. Помните, в Библии, Бог шадит целый город из за одного праведника. И благодаря Вам, я не могу насладиться поношением Курска. Я до сих пор называю Вас «Доктор», но в этом уже нет ничего медицинского: это скорее в смысле «Доктор Фауст». В Вас еще много осталось хорошего германского, не немецкого (немец-перед колбаса и т. д.), а настоящего германского Geist'a, похожего на орган. Русский дух поёт на клиросе хором, или гнусавый дьячок — русский дух. Это, всегда, или Божественно, или смешно. А германский Geist — орган. Вы можете сказать о природе: «Я люблю природу. Вот этот кедр, он так красив. Под этим деревом может стоять рыцарь, а по этой горе может гулять монах». Такие ощущения закрыты для меня. Для меня что стол, что шкаф, что дом, что луг, что роща, что бабочка, что кузнецик,— всё едино*.

Письмо неустановленному лицу — по-видимому, одному из тех, с кем Д. Хармс познакомился в Курске во время своей ссылки в 1932 году.

* На этом письмо обрывается.

[Без даты.]

Дорогой Саша,

в этом (я для краткости говорю просто в «этом» но подразумеваю в этом письме) я буду говорить только о себе. Я хочу, собственно говоря, описать свою жизнь. Очень жаль, что я не написал тебе предыдущего письма, а то я бы написал там всё, что пропустил здесь.

Давай прибегнем к методу сравнения. Ты, скажем, живёшь там в Ашхабаде каким-то образом. Назовем это для краткости «так». Это я так уславливаюсь называть то и другое для того, чтобы в дальнейшем было легче и удобнее говорить о том и об этом. Если ты находишь, что обозначения «так» и «так так» неудобны, то можно называть так. Ты живешь неким образом, а я живу неким образом, но иначе. Пожалуй, остановимся на последнем обозначении.

Допустим, что я живу не «неким образом но иначе», а таким же образом как и ты. Что из этого следует? Для этого вообразим, а для простоты сразу же и забудем, то что мы только что вообразили. И теперь давай посмотрим что получилось. Чуть чуть не забыл тебе сказать как я купил совершенно ненужное польто. Хотя об этом я лучше расскажу потом. У меня был в гостях Игорь*

Письмо неустановленному лицу.

* На этом письмо обрывается.

Н. И. Колюбакиной*

Четверг, 21 сентября
1933 года.
Петербург.

Дорогая
Наташа,

спасибо за стихи Жемчужникова. Это именно Жемчужников, но отнюдь не Прутков. Даже, если они и подписаны Прутковым, то всё же не прутковские. И наоборот вещи Толстого вроде «Балет комма» или «О том, дискать, как философ остался без огурцов», чистые прутковские, хоть и подписано только Толстым.

Я показывал ногу д-ру Шапо**. Он пробормотал несколько латинских фраз, но, судя по тому, что велел мне пить дрозжи, согласен с твоим мнением. Кстати дрозжей нигде нет.

Чтобы ответить стихотворением на стихотворение, посылаю тебе, вчера написанные, стихи***. Правдо они ещё не законченны. Конец должен быть другим, но несмотря на это я считаю, что в них есть стройность и тот грустный тон, каким

говорит человек, о непонятном ему предназначении человека в мире. Повторяю, что стихи не закончены и даже нет ещё им названия.

Даниил Хармс

* Наталия Ивановна Колюбакина (1868?—1942?) — сестра матери Д. Хармса, педагог, словесник, ученица Н. Я. Марра. Жила в Царском (Детском) Селе. Хармс часто гостил у нее и очень любил.

** Доктор Шапо — домашний врач Хармса и его знакомых.

*** Речь идет о стихотворении «Подруга», в котором изображается Муза с лицом, обезображенным временем.

Воскресенье
24 сентября 1933 года.

Дорогая Наташа,

ты прислала мне такое количество пивных дрожжей, будто я весь покрыт волдырями как птица перьями. Я не знал, что они существуют в таблетках и продаются в аптеках. Мне просто неловко, что об этом узнала ты, а не я сам, которому эти дрожжи нужны.

Твое издание Козьмы Пруtkова (1899 года) — лучшее, хотя в нём многих вещей не хватает. Вчера позвонил мне Маршак и просил, если я не занят и если у меня есть к тому охота, прийти к нему. Я пошёл. В прихожей произошла сцена с обниманиями и поцелуями. Вполне были бы уместны слова: «мамочка моя!». Потом Маршак бегал вокруг меня, не давая мне даже сесть в кресло, рассказывал о Риме и Париже, жаловался на свою усталость. Маршак говорил о Риме очень хорошо. Потом перешёл разговор на Данта. Маршак научился уже говорить немного по итальянски и мы сидели до 3 ч. ночи и читали Данта, оба восторгаясь.

Стихи, которые я хотел послать тебе, ещё не окончены, потому хорошо, что я не послал их.

А Колпаков*, это действительно я.

Спасибо Машеньке** за спички и махорку.

Даня.

* Писатель Колпаков — один из псевдонимов Даниила Хармса, которым он подписывался в детском журнале «Чиж».

** Мария Ивановна Колюбакина (1875?—1943?) — тетка Хармса, младшая сестра матери, жила в Царском Селе.

Дорогая Наташа,

Кофе я не смогу пить. А лучше я пройду ещё на часок в парк, чтобы воспользоваться тем, что называют природой, или попросту «самим собой».

Д.

Е. И. Ювачёвой*

28 февраля 1936 года.

Дорогая Лиза,

поздравляю Кирилла** с днём его рождения, а также поздравляю его родителей успешно выполняющих предписанный им натурой план воспитания человеческого отпрыска до двух летнего возраста, не умеющего ходить, но затем со временем начинающего крушить всё вокруг и наконец<ц>, в достижении младшего дошкольного возраста, избивающего по голове украденным из отцовского письменного стола вольтметром свою любящую мать, не успевшую увернуться от весьма ловко проведённого нападения своего не совсем ещё созревшего ребёнка, замышляющего уже в своём незрелом затылке, ухлопав родителей, направить всё своё преостроумнейшее внимание на убеждённого сединами дедушку и тем самым доказывающего свое не по летам развернувшееся умственное развитие в честь которого, 28 февраля, соберутся кое какие поклонники сего поистине из рядо вон выходящего явления и в числе

которых, к великому моему прискорбию, не смогу быть я, находясь в данное время в некотором напряжении, восторгаясь на берегах Финского залива присущим мне с детских лет умением, схватив стальное перо и окунув его в чернильницу, короткими и четкими фразами выражать свою глубокую и подчас даже некоторым образом весьма возвышенную мысль.

Даниил Хармс

* Елизавета Ивановна Ювачёва — сестра Даниила Хармса. Живет в Санкт-Петербурге.

** Кирилл — пасынок сестры. В этом письме присутствует несколько неожиданная для облика детского писателя тема, которая еще ждет раскрытия: Хармс и дети.

А. И. Порет*

[Без даты.]

Алиса Ивановна,

извините, что обращаюсь к Вам, но я проделал всё чтобы избежать этого, а именно в течение года почти ежедневно обходил многих букинистов. Отсюда Вы сами поймёте как мне необходима книга Meupink «Der Golem»**, которую я когда-то дал Вашему брату.

Если эта книга ещё цела, то очень прошу Вас найти способ передать её мне. Предлагаю сделать это при помощи почты. Ещё раз извините обстоятельства, которые заставили меня обратиться к Вам.

Мой адрес:

Ул. Маяковского 11 кв. 8

Даниил Иванович

Хармс

* Алиса Ивановна Порет (1902—1984) — художник, ученица К.С. Петрова-Водкина и П.Н. Филонова. Одна из участниц группы «Мастера аналитического искусства», которую возглавлял Филонов. Написала «Воспоминания о Данииле Хармсе» («Панорама искусств 3». М., 1980, стр. 348—359). Вспоминала о нем и в своих записках («Алиса Порет рассказывает и рисует. Из альбомов художника». «Панорама искусств 12». М., 1989, стр. 399—400, 402, 403. Публикация Владимира Глоцера).

** Мейринк «Голем» (нем.). Речь идет о романе австрийского писателя Густава Мейринка (1868—1932), влияние которого Хармс испытал, в частности, в своей повести «Старуха» (1939). Впервые вышел в переводе на русский в 1922 году.

А. И. Введенскому

[Конец 30-х годов.]

Дорогой Александр Иванович,

я слышал, что ты копишь деньги и скопил уже тридцать пять тысяч. К чему? Зачем копить деньги? Почему не поделиться тем, что ты имеешь, с теми, которые не имеют даже совершенно лишней пары брюк? Ведь, что такое деньги? Я изучал этот вопрос. У меня есть фотографии самых ходовых денежных знаков: в рубль, в три, в четыре и даже в пять рублей достоинством. Я слышал о денежных знаках, которые содержат в себе разом до 30-ти рублей! Но копить их, зачем? Ведь я не коллекционер. Я всегда презирал коллекционеров, которые собирают марки, перышки, пуговицы, луковки и т. д. Это глупые, тупые и суеверные люди. Я знаю, например, что так называемые «нумизматы», это те, которые копят деньги, имеют суеверный обычай класть их, как бы ты думал куда? Не в стол, не в шкатулку а... на книжки! Как тебе это нравится? А ведь можно взять деньги, пойти с ними в магазин и обменять, ну скажем, на суп (это такая пища), или на соус кефаль (это тоже вроде хлеба).

Нет, Александр Иванович, ты почти такой же нетупой человек, как и я, а копишь денги и не меняешь их на разные другие вещи. Прости, дорогой Александр Иванович, но это не умно! Ты просто поглупел, живя в этой провинции. Ведь должно быть не с кем даже поговорить. Посылаю тебе свой портрет*,

чтобы ты мог хотя бы видеть перед собой умное, развитое, интеллигентное и прекрасное лицо.

Твой друг *Даниил Хармс*

Из архива Г.Б. и Б.А. Викторовых (Харьков).

* На этом же листе Хармс нарисовал известный теперь по многим изданиям автошарж. Факсимильное воспроизведение страницы с этим письмом: «Московский наблюдатель», 1991, № 5 (в публикации А. Герасимовой).

III

Дневниковые записи 1928—1939 годов¹

[1 9 2 8]

Кто-бы мог мне посоветовать, что мне делать? Эстер* несёт с собой несчастье. Я погибаю с ней вместе. Что же, должен я развестись или нести свой крест? Мне было дано избежать этого, но я остался недоложен и просил соединить меня с Эстер. Ещё раз сказали мне: не соединяйся! — Я всё таки стоял на своём, и потом хоть и испугался, но всё-таки связал себя с Эстер на всю жизнь. Я был сам виноват, или вернее я сам это сделал. Куда делось Обэриу*? Всё пропало как только Эстер вошла в меня. С тех пор я перестал как следует писать и ловил только со всех сторон несчастья. Н<о> могу ли я быть зависим от женщины какой бы то ни-было? — или Эстер такова, что принесла конец моему делу? — я не знаю. Если Эстер несёт горе за собой, то как-же могу я пустить её от себя. А вместе с тем, как я могу подвергать своё дело, Обэриу, полному развалу. По моим просьбам судьба связала меня с Эстер. Теперь я вторично хочу ломать судьбу. Есть-ли это только урок, или конец поэта? Если я поэт, то судьба сжалится надо мной и приведёт опять к большим событиям, сделав меня свободным человеком. Но может быть, мною вызванный крест, должен всю жизнь висеть на мне? И в праве ли я, даже как поэт, снимать его? Где найти мне совет и разрешение? Эстер чужда мне как рациональный ум. Этим она мешает мне во всём и раздрожает меня. Но я люблю её и хочу ей только хорошего. Ей безусловно лучше разойтись со мной, во мне нет ценности для рационалистического ума. Неужели-же ей будет плохо без меня? Она может ещё раз выйти замуж и может быть удачнее чем со мной. Хоть-бы разлюбила она меня, для того что-бы легче перенести расставание! Но что мне делать? Как добиться мне развода? Господи помоги! Раба Божия Ксения помоги! Сделай чтоб в течении той недели Эстер ушла от меня и жила-бы счастливо. А я что-бы опять принялся писать, будучи свободен как прежде! Раба Божия Ксения помоги нам!

Даниил Хармс
1928 года 27 июля

Ни сегодня ни завтра я перевода из Москвы не получу.
4—5 час. дня. четверг 18 октября 1928 года.

Сегодня я денег из Москвы должно-быть тоже не получу, это я знаю. Часов в 5 дня я смогу сказать себе,— так я и знал!

Даниил Хармс.
Пятница 19 октября 1928 года. 1—2 дня.
Петербург.

[1 9 3 0]

А интересно, что в это время Эстер делала.

Ночь с 21—22 февраля 1930 года.

¹ Из фонда Я. С. Друскина в Рукописном отделе ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

24 декабря

Был с Заболоцким в костёле.

Ночью чувствую себя простуженным и неважно. Волнуюсь за своё здоровье.

28 декабря.

Чувствую себя неважно. Кружится голова. Измерил температуру, оказалось 37. Волнуюсь за свое здоровье.

29 декабря

Волнуюсь за своё здоровье.

[1 9 3 1]

Я веду неправильный образ жизни. Эти дни я стал чувствовать себя неважно. Очень волнуюсь за своё здоровье. Господи, помоги мне быть здоровым.*

1 января 1931 года.
Четверг.

1 января.

2 часа дня — 36,4.

7 часов дня начался легкий озноб, а, может быть, это просто холодно в комнате.

7¹⁵ — 36,8.

12 часов — 36,9.

[1 9 3 2]

[Курск. Без даты.]

Я один. Каждый вечер Александр Иванович куда-нибудь уходит и я остаюсь один. Хозяйка ложится рано спать и запирает свою комнату. Соседи спят за четырьмя дверями, и только я один сижу в своей маленькой комнатке и жгу керосиновую лампу.

Я ничего не делаю: собачий страх находит на меня. Эти дни я сижу дома, потому что я простудился и получил грипп. Вот уже неделя держится небольшая температура и болит поясница.

Но почему болит поясница, почему неделю держится температура, чем я болен и что мне надо делать? Я думаю об этом, прислушиваюсь к своему телу и начинаю путаться. От страха сердце начинает дрожать, ноги холодеют и страх хватается меня за затылок. Я только теперь понял, что это значит. Затылок сдавливают снизу и кажется: ещё немножко и сдавят всю голову сверху, тогда утеряется способность отмечать свои состояния и ты сойдешь с ума. Во всем теле начинается слабость и начинается она с ног. И вдруг мелькает мысль: а что, если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится ещё страшнее. Мне даже не удается отвлечь мысли в сторону. Я пробую читать. Но то, что я читаю становится вдруг прозрачным и я опять вижу свой страх. Хоть бы Александр Иванович пришёл скорее! Но раньше чем через два часа его ждать нечего. Сейчас он гуляет с Еленой Петровной и объясняет ей свои взгляды на любовь.

Вторник 22 ноября 1932 года. 0 ч. 10 минут по астрономическому времени.

В субботу произошло следующее: Я утром отправил письмо в Москву, как посоветовал мне Коган. Я заходил в Горком Писателей, восстановит<ь>ся в союзе, но меня просили зайти 21-го. Я ходил два раза к скрипачу Loewenberg'у, ибо Борис Степанович Житков ищет скромного скрипача для музыкального время препровождения. Но я оба раза не застал Loewenberga дома. Это время я без денег, а потому столуюсь у сестры*. И вот пообедав у сестры я пошёл к К. И. Чуковскому, он переиздает свою книжку «О маленьких детях»* и хочет процитировать мои стихи, но не те, что были в первом издании. Корней Иванович принял меня с радостным криком и лёг на пол возле камина. Он был болен гриппом и до сей поры нездоров. На полу лежит просто для красоты, и это действительно очень красиво. Смотрел «Чукоколу»*, но ничего туда не вписал.

От Чуковского я зашёл в Преображенский собор. Там служил епископ Сергей. Когда епископ надевает фиолетовую мантию с дивными полосами, то превращается просто в мага. От восхищения, я с трудом удержался, чтобы не заплакать. Я простоял в Соборе вечерню и пошёл домой.

Я побрился, надел чистый воротничок и поехал к Порет. Там я познакомился с Frau René (Рене Рудольфовна О'Коннель-Михайловска*), очень милой дамой. Ей лет 35, у неё дочь 13 лет и сын 6 $\frac{1}{2}$ лет. Но она изумительно стройна, нежна и приветлива. У неё очень ласковый и вместе с тем немного лукавый голос. Мы пили чай из хороших чашек.

Ничего не буду писать о Порет, но если бы и стал писать, то написал бы только самое лучшее. Тут же, как всегда присутствовала и Глебова*. Был ещё некий Орест Львович, знакомый Авербаха, но он скоро ушёл.

Я провожал Frau René на В. О. Она живет в отдельной квартирке из двух комнат. Я видел её детей, которые спали в своих кроватках. Было два часа ночи, я зашёл к Frau René за папиросами, ибо у меня кончился табак. Она предложила мне остаться пить чай, но я боялся, чтобы она не подумала, что я имею на неё какие ни будь виды, ибо я такие виды на неё имел. И потому, немного стеснясь, я ушёл.

Я шёл домой пешком, курил, любовался Ленинградом и думал о Frau Rene.

В воскресенье я был утром с Введенским на выставке всех художников. Я там уже второй раз, и по прежнему нравится мне только Малевич*. И как отворачивать <ны>¹ круговцы! Даже Бродский приятен чем-то. На выставке встретили Гершова*. Я пошёл к нему и смотрел его картины. Он пишет хорошие картины.

После обеда ко мне зашёл Левин* и мы хотели поехать к Раисе Ильиничне Поляковской. Но как-то не попали на трамвай и не поехали. Тогда я с А. И. В.* пошёл на вечеринку к Евгении Давыдовне Барт. Там же была и Паперная* и пела негритянские хоралы. Домой я вернулся в 4 часа по гражданскому времени (в 3 часа по астрономическому).

В понедельник, я проснулся в 12 часов. Мне позвонила Frau René и сказала, что идёт на выставку так в 2 $\frac{1}{2}$ часа. Я сказал, что приду тоже. Но ко мне пришёл Борис Петрович Котельников, с которым я познакомился в тюремном лазарете, а потом пришёл ещё Никичуг, которого я не вида<л> уже 5 лет. Таким образом, на выставку я попал только в 3 часа. Там я встретил Frau René. Мы видели там Евгению Ивановну, мать Введенского, у которого <ой> Frau René лечится. Мы ходили по выставке. Я был по мойму мало интересен. Я проводил её до трамвая и пошёл домой. На Невском встретил Малевича, потом встретил Кельсона*.

Я пообедал и поехал к Житкову, где был Олейников и Заболоцкий и какой то агроном Иван Васильевич из Одессы. Олейников стал теперь прекрасным поэтом, а Заболоцкий печатает свою книжку стихов.

Обратно шёл с Олейниковым пешком, как обыкновенно; и домой пришол в час.

По приезде из Курска в Ленинград, я опять встречался с Esther. А в Пятницу она пришла ко мне <...> и на вопрос: не сердится-ли она на меня? она кивнула головой, но объяснять почему отказалась. А я сказал, что так я не могу, я должен знать, а иначе не могу с ней встречаться. Но она ни сказала по этому поводу ничего и ушла. Я проводил её до трамвая и она уехала домой. Я стал ей, по всей вероятности, просто противен. И конечно она мне больше не звонит и звонить не будет.

Уже вторник 22 ноября 1 ч. 20 м. по астрономическому <вре>мяни и 2 часа 20 минут по гражданскому.

Я только что записал всё это в дневник, <ка>к вдруг потухло электричество, что за последнее <в>ремя бывает очень часто. И уж эти строки я описываю при свече. Пора спать. Я неправильно живу. Я ничего не делаю и очень поздно ложусь спать. Немного скучно, что порвал с Esther, я всётаки, как она не противоположна мне по характеру и воспитанию своему, люблю Esther.

Сегодня я очень поздно встал. Я встал половина четвёртого. Лежа в кровати я звонил по телефону своим разным знакомым. Борис Степанович, обещал мне достать

¹ Здесь и в некоторых случаях дальше в угловых скобках воспроизводятся буквы на оторванных частях страниц.

пуделя. И вот, по этому, поводу я звонил в Институт мозга, где этот пудель якобы находится. Но так ничего и не вышло. Дело откладывается на завтра.

Мне позвонил Маршак и просил притти сегодня, а я обещал уже быть у Пантелеева. А Маршаку нельзя отказать, потом его долго не застанешь. Придется съездить к Алексею Ивановичу днём.

Я звонил Алисе Ивановне. Завтра концерт этого органиста. Я обещал достать билет Frau René. Но что делать, у меня нет денег, а как достать билет через Ивана Ивановича*? После Курска, я ещё не выдал его.

Думал я так же и об Esther. Даже чуть сам не позвонил ей. Но, когда стал человеку противен, то с этим ничего не поделаешь. Теперь то уж мы с Esther разошлись на веки. Хотя, что то в душе подсказывает мне, что мы ещё сойдемся как следует.

Под вечер я поехал к Пантелееву. Там пил много вина. Был там и Боба и Бельх* с братом и ещё какие то молодые люди. А к Маршаку я так и не пошёл. Боба ночевал у меня. Мы легли поздно спать, был уже шестой час ночи.

23 ноября 1932 года. Среда. Во сне видел буд-то у меня Эстер. И вот мы раздеваемся ложимся в постель, а тут приходит Введенский и тоже раздевается и ложится с нами и лежит между нами. А я злюсь на его безтактность и от злости просыпаюсь. И Боба видел во сне Введенского с какой то женщиной.

Боба ушёл домой, а я сидел на кровати и думал о Эстер. Я решил позвонить ей по телефону и уже позвонил, но тут телефон испортился. Значит так нужно.

Звонил Маршак. Очень неловко, что я не был у него вчера.

Сейчас пошёл на кухню и Лиза напомнила мне, ч<то> сегодня рождение Эстер. О как захотел я её увидеть!

Надо послать ей телеграмму. Этот день мы хотели провести вместе у меня, но вот как всё получилось.

Непонятно, почему я так люблю Эстер. Всё что она говорит, неприятно, глупо и плохого тона, но ведь вот люблю её нисмотря ни на что!

Сколько раз она изменяла мне и уходила от меня, но любовь моя к ней только окрепла от этого.

Пошёл на почту и в 4 часа отправил телеграмму: «Поздравляю. Хармс». Зашёл к Loewenberg'у. Застал его дома. Мы сговорились ехать завтра к Житкову.

Ко мне пришёл Б. П. Котельников, без телефона. Я его почти выгнал. Надо раньше звонить и узнавать: можно-ли притти.

Что бы не встречаться с Маршако<м> впервые в четверг или пятницу, я решил забежать к нему сегодня. И забежал на 5 минут. Он прочёл своё новое, очень хорошее произведение «Мистер Блистер»*.

От Маршака пошёл в Филармонию. В вестибюле встретил очень много знакомых и Порет, Глебову и Кондратьева*.

Иван Иванович узнал меня и говорил со мной сразу на ты, но билетов достать не мог. У Глебовой тоже нет билета. У меня только три рубля. Мы решили купить входные билеты. У Глебовой 4 рубля, больше ни у кого денег нет. Я встал в очередь к кассе. Входные билеты все распроданы и самые дешёвые за 5 р. 75 к. Но пока мы думали пропали и эти. Я стою у окошечка и пропускаю в 5 раз свою очередь. Наконец я покупаю Глебовой билет за 6 р. 50 к. И больше денег не остаётся. В это время приходит Frau René. А народ толпится и толкается у кассы. Frau René одалживает мне деньги. Она протягивает бумажку, это всё, что у неё есть. Мне кажется, что это 20 рублей. А тут ещё какой то военный просит меня купить ему билет и дает мне деньги. Я не считаю сколько всего денег, мне кажется, что там 26 руб. 50 коп., всё это протягиваю в кассу и прошу 3 билета, по 6 р. 50 к. Деньги военного кассирша мне возвращает и говорит, что это лишние и дает мне три билета по 6 р. 50 коп. Я получаю сдачи рубль, беру билеты и рассчитываюсь, раньше всего, с военным. Я чуть не общитал его. Он, оказывается дал мне не 6 рублей, а 5+3, т.-е. 8. Наконец мы с ним в расчёте и я несу сдачу Frau René. Я протягиваю ей 7 рублей. Она говорит: «Как это вся сдача?» Да,— говорю я. «Что вы там было 50 рублей»,— говорит она. Я иду к кассе и кричу кассирше, что вышло недоразумение. А вокруг толкается народ, тянется к окошку и мешает переговорить мне с кассиршей. Кассирша говорит, что она сдала сдачу с 50 рублей и кто-то её взял. Я для чего то протягиваю ей оставшиеся 7 рублей, она мне возвращает только 5 и я ещё теряю 2 рубля. В общем, завтра я

должен отдать Frau René 50 рублей, сейчас-же даю ей только пять. Больше у меня ничего нет.

Вся надежда на Житкова. А у Житкова я рассчитывал занять 70 руб. на польто, которое отдал с Наташей* на переделку к портному за 120 рублей. 50 рублей даёт Наташа, а 70 рублей должен достать я. Теперь-же, если я займу у Житкова 50 рублей, то не смогу занять 70.

Вот что получилось.

На концерте мы сидели во второй боковой ложе, вчетвером: <Ко>ндратьев, Глебова, Frau René и я. Алиса Ивановна <со> Снабковым* сидела в партере.

Я сидел рядом с Frau René на виду у всех. И вдруг я вижу, что у меня на показ совершенно драные и изъеденные молью гетры, не очень чистые ногти, мятый пиджак и, что самое страшное, расстёгнута прорешка.

Я сел в самую неестественную позу, чтобы скрыть все эти недостатки и так и сидел всю первую часть концерта. Я чувствовал себя в очень глупом положении. К тому же концерт мне вовсе не нравился. Оркестр был под управлением Фрида, а за органом немецкий органист Рамен. Исполняли Бетховенского Кориолана, органнй концерт Генделя d-moll и Малера 5 ую симфонию. Малер был вторая часть концерта. На второй части, я сидел удобнее и чувствовал себя лучше, но зато Малер мне уж вовсе не понравился.

После концерта я провожал Frau René домой и пил у неё чай до 2-х часов ночи. На обратном пути случайно попал на запоздавший трамвай.

Я стоял на пустой площадке и пел прославляя Бога и Эстер.

Вдруг я увидел, что на площадке, за мной стоит ещё человек и слушает. Я смутился и запел по немецки, а потом по английски, а потом перешёл на фокстротные мотивы. Но когда человек слез, я запел опять о Боге и о Эстер. До самых ворот дома я пел: Весь мир — окно — Эстер.

24 ноября. Четверг.

Утром спал до часа. Потом позвонил и поехал к Житкову занять 50 рублей. Занял. Отвёз Frau René. Пообедал и отдохнул дома и зайдя к Loewenberg'у поехал с ним к Житкову. Домой вернулся в 12²⁰.

Вечером опять стал скучать об Эстер. Вчера засыпая я молился и плакал. Ах как я люблю мою Эстер!

25 ноября, Пятница.

Проснулся и долго лежал в постели. Сегодня вечером я хотел пойти с Алисой Ивановной к Ермолаевой*. Но звонил Маршак и приглашал к себе. Надо пойти к нему. Поэтому, когда позвонила Алиса Ивановна, то я сказал, что итти к Ермолаевой сегодня не смогу. Я лежал в постели до тех пор, пока не пришёл Гершов. Он едет в Борисоглебск. Вещи уже на вокзале. Поезд отходит в 5 часов. Мне очень жалко, что он уезжает. Он очень милый человек и хороший художник.

Я проводил его до площади и пошёл к Бобе. С Бобой мы ходили к трубочному мастеру Диментьеву. У Бобы сломалась трубка. Мастер закрыл свою мастерскую и работает на заводе. Но у нас, как у старых клиентов, он взялся за три рубля починить трубку.

Боба зашёл ко мне. Потом я пошёл к Маршаку. Маршак был усталый, я ленивый и стих<и> читались вяло. В 10 часов я уже вернулся домой.

С давних времён я люблю помечтать: рисовать себе квартиры и обставлять их. Я рисую другой раз особняки на 80 комнат, а в другой раз мне нравятся квартира в 2 комнаты.

Сегодня мне хочется иметь такую квартиру*.

Это время я ничего не пишу и не читаю. Калоши у меня сносились. Сапоги почти тоже. Денег нет. Сегодня приезжала Машенька, привезла мне рыбаго жира и 25 руб. денег. Я ложусь поздно спать. Сейчас уже без четверти два.

Суббота 26 ноября.

Повесил у себя в комнате икону Иверской Божьей Матери.

Сегодня решил сидеть дома и никуда не выходить. Позвонил Эстер. <О>на сказала, что я хорошо сделал. Но надежд не подаёт.

Пришёл ко мне Вейсенберг*. Потом пришли Боба и Игорь*. Вечером звонила Эстер и спрашивала телефон Юдиной*. Звонила сестра Эрбштейна*, ей нужно повидать Александра Ивановича. Звонила Татьяна Николаевна и спрашивала телефон Ивана Ивановича. Игорь и Боба сидели у меня до часу ночи. Я на ночь читал «Капитана Трафальгара»*.

Воскресенье 27 ноября.

С утра позвонил Алисе Ивановне. Вечером она собирается на концерт в филармонию будет Моцартовский Реквием. Я хочу тоже пойти. Звонил мне Иракий*. Позвонила и Эстер. Она всю ночь была на вечеринке. Со мной говорила как по обязанности. Ей не интересно встречаться со мной. О встречи она ни слова. Я тоже молчал.

Звонила Татьяна Николаевна и я сговорился с ней, что буду в Филармонии в 8 $\frac{1}{2}$ часов. Я разгладил свой поношенный костюмчик, надел стоячий, крахмальный воротничёк, и вообще оделся как мог лучше. Хорошо не получилось, но все же до некоторой степени прилично. Сапоги, правдо черезчур плохи, да к тому же и шнурки рваные и связанные узелочками. Одним словом, оделся как мог и пошёл в филармонию.

В вестибюле встретил Порет с Кондратьевым и Глебову. У Ивана Ивановича просить билет у меня всё равно духу не хватит, и я встал к кассе. Надо купить билет не только себе, но и Глебовой. Самые дешёвые оказались за восемь рублей и я их купил.

Я очень застенчив. И благодаря плохому костюму и, всё таки, непривычки бывать в обществе, я чувствовал себя очень стеснённым. Уж не знаю, как я выглядел со стороны. Во всяком случае старался держаться как можно лучше. Мы ходили по фойэ и рассматривали фотографии. Я старался говорить самые простые и легкие мысли, самым простым тоном, что бы не казалось, что я остро. Но мысли получались либо скучные либо просто глупые и, даже, мне казалось неуместные и порой грубоватые. Как я не старался, но некоторые вещи я произносил с черезчур многозначительным лицом. Я был собой недоволен. А в зеркале я увидел, как под затылком оттопырился у меня пиджак. Я был рад поскорее сесть на места.

Я сидел рядом с Глебовой, а Порет с Кондратьевым сидели в другом месте.

Я хотел сесть в светскую, не принуждённую позу, но, по моему, из этого, тоже, ничего не вышло. Мне казалось, что я похож на солдата, который сидит перед уличным фотографом.

Концерт мне не понравился. Т.-е. выше и лучше «Реквиема» я ничего не знаю, и Климовская каппела* всегда была поразительна, но на сей раз хор был явно мал. И «Реквием» не звучал как нужно.

В антракте видел Житкова с супругой, видел Frau René, разговаривал <с> Иваном Ивановичем, но говорил не находчиво и не умно. Какой я стал неловкий.

После концерта подошёл к нам Исаи Александрович Браудо*. На этом основании я не поехал провожать Глебову.

Я поехал к Липавскому, где должен был быть Введенский и Олейников. Но Олейников не был, а Введенский был с Анной Семёновой*.

Вот за столом у Липавского я чувствовал себя вполне свободным и непринуждённым. Но, по моему, я и тут пересоллил и черезчур размахался. Впрочем не знаю.

Я напросился ночевать у Липавского. Тамара Александровна, перешла спать в столовую и целую ночь не спала.

Понедельник 28 ноября.

Сегодня Александр Иванович едит в Борисоглебск. От Липавского я пошёл прямо к Александру Ивановичу. Я был с ним на рынке, где он покупал себе носки. Придя к Александру Ивановичу с рынка, я обнаружил, что пропала моя старая трубка. Кто поймёт, что значит потерять трубку! По счастью оказалось, что она у Тамары Александровны. Я провожал Александра Ивановича. На возгвал с нами поехали обе Евгении Ивановны*. Туда же должна была притти Анна Семёновна и сестра Эрбштейна. За полчаса до отхода поезда Евгении Иваѳовны ушли. Мы остались с Александром Ивановичем вдвоём. И вот его Нюрочка не пришла. Я видел как его это опечалило. Он уехал очень

расстроенный. Потом Нюрочка звонила мне и спрашивала как уехал Александр Иванович. Нюрочка похожа своим поведением на Эстер.

Я лежал и читал «Der gute Ton». Было уже почти 9 часов. Вдруг позвонила Эстер. Эти дни она очень весело проводила время: всё ходила по гостям. А сегодня гости у них, ибо 35-ти летие свадьбы Ольги Григорьевны и Александра Ивановича. Эстер просит меня приехать. Что я не говорю, она всё таки настаивает на своём. И я еду.

В столовой сидит много народа. Тут и Кибальчич* и Яхонтов и Марсель* и какие то дамы и какие то ещё люди. Эстер налила мне рюмку ликёра. Я сидел совершенно красный и у меня горели уши. У Эстер очень истасканный и развязанный вид. Она говорит, взвизгивает, хохочет или вдруг слушает с раскрытым ртом и тогда она становится похожей на старую еврейку. Этого раньше не было. Но я люблю её. Несколько раз Эстер взглядывает на меня и каждый раз всё менее и менее приветливо. Яхонтов встает и читает стихи. Он читает Державина. Читает очень плохо, но декламаторски и культурно. Потом читает Пушкина. Всем очень нравится.

Эстер хлопает в ладоши и говорит: «ах какая прелесть!».

Потом Яхонтов уходит.

Когда Wiktor'a Кибальчича спрашивают, как понравился ему Яхонтов, он говорит, что у Яхонтова своя манера читки и ему <х>телось бы послушать его целый вечер. Эстер говорит: «Я» в него влюблена». Wiktor говорит: «о, это очень просто, <для> этого не надо читать Пушкина<>».

Тогда Эстер говорит: «я влюблена не в него, а в его <чи>тку. Я влюблена в Пушкина».

Тогда Wiktor говорит: «о! я был в Москве и видел Пушкина. Трудно, чтобы он ответил на любовь». (Wiktor говорит о памятнике). Так Wiktor острит целый вечер и именно так, как я больше всего боялся сделать вчера, в фойе Филармонии.

Я сидел красный и неуклюжий и почти ничего не мог сказать. Всё, что я говорил было поразительно неинтересно. Я видел как Эстер призирила меня.

Я сказал Эстер: «Эстерочка, я потерял свою трубку».

Она переспросила: «Что? Трубку?» и потом заговорила о чём то другом с Наталией Александровной.

Наконец гости собрались уходить. Я нарочно переждал всех. Марсель сыграл мне что-то на рояле. Я простился и пошёл. Эстер проводила меня до двери. У неё было очень неприятное лицо: чем то озабоченное не касающимся меня, а по отношению ко мне — недовольное. Я ничего не сказал ей. Она тоже. Мы только сказали: до свидание. Я поцеловал ей руку. Она захлопнула дверь.

«Боже!» — сказала я тогда. — «Какая у нее б.....я рожа!». Я сказал так про себя и побежал по лестнице вниз. Я сказал очень грубо. Но я люблю её.

Я зашёл на 10 минут к Жуковскому и пошёл пешком, по Невскому, домой.

Придя домой я записал всё это.

3 часа 10 минут ночи.

Вторник 29 Ноября.

Утром ходил с Бобой в Горком, но ничего не добился. Видел Пантелеева и Заблоцкого.

Потом вернулся домой. Звонила Порет. Я должен был итти к ним, но потом всё переменялось. Я пригласил Порэт к себе. Лежал на кушетке и читал капитана Трафальгара. Половина двенадцатого пришла Алиса Ивановна. У меня была кетовая икра и севрюга. Это было очень кстати. Пили чай. Алиса Ивановна была у меня до 2-х часов ночи. Потом я провожал её домой. У кинематографа «Две Маски» мы остановились и решили завтра итти на фильм «Зелёный переулок». Домой я пришёл часа в 4. <...>

Среда 30 Ноября.

Проснулся поздно, так в час. Позвонил Алисе Ивановне, решили итти в кинематограф. Она должна была позвонить мне в 4. Зашёл ко мне Гейне и скоро ушёл. В 4 звонила Алиса Ивановна. Решили итти на 6-ти часовой сеанс. Я предложил приехать раньше и привезти оставшуюся рыбу. Алиса Ивановна просила приехать сразу. Я сразу и приехал. У неё и обедал. Потом Алиса Ивановна рисовала, а я сидел и ничего не делал. Мы пропустили несколько сеансов, ибо решили итти с Петром Павловичем Снабковым и ждали когда он освободится. Пошли на сеанс 10⁴⁰ и купили 3 билета. До начала осталось больше часа. И мы решили ехать ко мне и что найдём поест. Так и сделали. Потом звонили Снабкову, но там никто не подходил. Алиса Ивановна позвонила домой и предложила Татьяне Николаевне пойти с нами. И мы

пошли в кинематограф. Я сидел рядом с Алисой Ивановной. Потом ещё пошли к ним пить чай. Некоторое время я был наедине с Татьяной Николаевной, смотрел её картины. Потом пили чай. Ушёл от них в 1½ ночи. На трамвай всё-же попал у Царскосельского Воззала.

Сегодня звонила Наташа и сказала, что шуба готова. Послезавтра должен ехать за ней. Надо доставать деньги (70 рублей). Наташа страшно устает. Как помочь Наташе? Её служба слишком тяжела. Надо ей пересечь в Ленинград.

Четверг 1 декабря.

С утра начал искать денег. Но кому не звонил, ничего не вышло. Я пошёл к Шварцу*. Дома была одна Екатерина Ивановна*, она жаловалась на полное безденежье.

Нигде денег достать не мог. Звонил об этом Алисе Ивановне. Она посочувствовала мне. На прощанье сказала: <«>До свиданья милый Даниил Иванович». Кажется она сказала милый.

Вечером я был у Липавского. Там денег тоже нет. Липавский читал мне свою сказку «Менике». Сказка плохая и я её поругал. Тамару Александровну и Валентину Ефимовну таскал за волосы. Вообще перекиривлялся и, кажется, произвёл плохое впечатление. Домой ехал на втором номере до Невского.

Пятница 2 декабря.

Встал в 10 часов. Побрился. Позвонил Алисе Ивановне. Решили ехать сегодня в Царское. Занял у Или* 5 рублей. Приехал к Алисе Ивановне, а там уж Павел Михайлович Кандратьев.

Кандратьев уже шесть лет влюблён в Алису Ивановну. Он любит её по настоящему. Но он, с её стороны, не видит ничего хорошего. Хорошо ему было только пока он был болен и Алиса Ивановна каждый день приходила к нему. Теперь он мучается и ревнует дни и ночи напролёт.

Я с Алисой Ивановной пришёл на воззал. До отхода поезда у нас 1 час 40 минут. Мы пошли погулять в садик. В поезде Алиса Ивановна читала мои стихи.

В Царском пришли к моей тете. Наташи не было дома. Алиса Ивановна вела себя робко. Я чувствовал некоторую власть над ней. Мы оба хотели есть. Выпили стакан молока. Потом мы гуляли в парке. Ели в столовой. Видели Фирузека и поехали домой.

В поезде стояли на площадке. В Петербурге решили, что Алиса Ивановна зайдёт ко мне поест. Но потом она попросилась зайти к себе <до>мой. А дома ей сказали, что Снабков уже на дороге к ним. <Алис>а Ивановна осталась, а я пошёл домой. Дома было <нече>го есть. Хорошо, что Алиса Ивановна не поехала со мной.

<Я> немного спал. Звонила Эстер, но я не обрадовался её <з>вонку. Зато, когда позвонила Алиса Ивановна, я был очень рад. Возились с радио Владимир Иосифович* и я, до 3 часов ночи. Потом в кровати я писал мысли об Алисе Ивановне в записную книжку. Долго не спал думая об Алисе Ивановне. Это нехорошо. Хорошо, чтобы она думала обо мне.

Суббота 3 декабря.

Утром встал и звонил Алисе Ивановне. Она через Илю хочет продать каракулевое монто. Принял ванну.

Днём пришёл ко мне Липавский, потом Олейников и Заболоцкий. Я трещал, что женился на Алисе Ивановне. Как я безтактен. Потом Олейников звонил Алисе Ивановне и спрашивал обо мне. Алиса Ивановна прекратила с ним разговор. Когда все ушли я позвонил Алисе Ивановне. Она назвала меня провокатором и видно изменила обо мне мнение. Вчерашние, наши отношения исчезли. Я мучался этим. Пришёл Вейсенберг. Сидел довольно долго. Потом я пошёл к Бобе. От Бобы не вытерпел и в 11 часов позвонил Алисе Ивановне. Говорил ерунду. У неё был голос не очень приветливый. Поделом мне! У Бобы сидел до 3½ часов ночи.

Лиза и Иля собрали мне 75 рублей.

Вчерашние ночные мысли об Алисе Ивановне, кажутся мне сегодня позорными. Надо не звонить Алисе Ивановне. Не буду звонить ей.

Воскресенье 4 декабря.

Утром пришёл ко мне Башилов*. До обеда я проводил к себе в комнату громкоговоритель от ЭГС'а. После обеда поехал в Царское к Наташе. Получил у

портного польто. Некоторое время посидел у Наташе. Была Машенька. Ел чудный, огромный лук, жаренного гуся и пил молоко.

Домой вернулся к 12-ти часам.

Понедельник 5 декабря.

Утром был у Олейникова. Подарил ему исполинскую луковицу. Пришёл домой. Приехала Машенька. Я постригся под горшок. Вечером в крахмальных манжетах, в крахмальном воротничке и белом жилете поехал к Алисе Ивановне. Там собралось следующее общество: Алиса Ивановна, Татьяна Николаевна, Frau René, Снабков, Браудо, Струве*, Олейников и я. Было довольно скучно. С Алисой Ивановной я почти поссорился. Обрато шёл с Олейниковым пешком. Он не верит, что я считаю его хорошим поэтом.

Вторник 6 декабря.

В 11 часов утра позвонила мне Эстер. Она сказала, что не может сказать мне <по> русски, и скажет по французски. Я ничего не понял что она сказала, но в этом мне было стыдно признаться. Я задавал ей глупые вопросы не в попад. И наконец она рассердилась и повесила трубку.

Звонила Алиса Ивановна, она говорила, что вчера ей были все противны. И звонит она чтобы я не ссорился. Но вышло, что мы поссорились е<щ>ё больше.

Заходил днём Эрнест Эрнестович*.

Вечером был у Житкова. Были Олейников, Матвеев* и Бианки. Потом пришла Татьяна Кирилловна Груздева*. Пили водку. Житков напился. Обрато шли пешком Олейников, Матвеев и я.

Среда 7 декабря.

Хотел сегодня начать работать. Но целый день ничего не делал. До 4 часов совершенно ничего не делал. В 4 пришёл Тувелев*. Он занимается математикой и немецким языком. Когда Тувелев ушёл, я с Владимиром Иосифовичем возился с радиоприемником. Вечером был у Порет и Глебовой.

[1 9 3 3]

8 февраля 1933 года.

Я не могу удержать себя и не увидеть сегодня Алисы Ивановны. Ехать к ней сейчас, почти наверняка окончательно испортить всё. Я знаю как это глупо, но я не могу удержать себя. Я еду к ней и может быть при помощи Ксении все будет очень хорошо.

Даниил.

Сейчас я сижу в комнате у Алисы Ивановны. Очень неприятное чувство. Я не вижу, чтобы Алиса Ивановна относилась ко мне хорошо. Она и<з>менилась ко мне. Было бы разумно просто уйти. Но страшно потерять её таким образом на всегда.

Она опять начала разговор о моём злодействе. Не знаю, что она под этим подразумевает, но во всяком случае ничего хорошего в этом нет.

Я прошу Бога сделать так, чтобы Алиса Ивановна стала моей женой. Но видно Бог не находит это нужным. Да будет Воля Божья во всём.

Я хочу любить Алису Ивановну, но это так не удаётся. Как жалко! Села!

Если бы Алиса Ивановна любила меня и Бог хотел бы этого, я был бы так рад!

Я прошу Тебя Боже, устрой всё так, как находишь нужным и хорошим. Да будет Воля Божья!

В Твои руки Боже передаю судьбу свою, делай всё так как хочешь Ты.

Милая Алиса Ивановна, думалось мне, должна стать моей женой. Но теперь я ничего не знаю. Села!

Я вижу как Алиса Ивановна ускользает от меня.

О Боже Боже, да будет Твоя Воля во всём.

Аминь.

13 февраля 1933 года.

Даниил Хармс.

Суббота 18 февраля 1933 года.

Новый год встречал с Глебовой. А потом приехали ко мне Алиса Ивановна и Снабков. Они целовались и мне было это мучительно видеть. Потом на несколько дней я поссорился с Алисой Ивановной. Это случилось после 4-го, когда я ехал с ней на извозчике и чуть чуть не поцеловал её. Расстались мы очень нежно. А на другой день она не захотела меня видеть. И больше недели мы не виделись. Потом лишь с трудом помирились. А за это время чего я только не надумался. Я ревновал к Введенскому. Но в 20-х числах января мы снова подружились. В конце января наступило тревожное время в связи с паспортизацией. С Алисой Ивановной мы виделись буквально каждый день. Я всё больше и больше влюблялся в неё и 1-го февраля сказал ей об этом. Мы назвали это дружбой и продолжали встречаться.

3 февраля я сел у ног Alice и положил к ней на колени голову. От неё чудно пахло. И я влюбился окончательно.

7 февраля я стал с Alice целоваться. <...>

10 февраля я гулял с Alice в монастырском, на Фонтанке мосту и целовался. <...>

<11> февраля Alice уехала в Всеволожское. 12 февр<аля> Alice звонила <от>туда мне по телефону. Я днём ездил в Царское, <а> вечером пришёл к Alice, которая уже вернулась в <г>ород. Были Чернецов* и Кондратьев. Alice была довольно холодна.

13 февр<аля> Alice не дала себя поцеловать. Я долго и глупо говорил.

14 февр<аля> Alice была у меня. Мы целовались. Я поцеловал её ногу. Alice была очень мила.

15 февраля. Утром проводил Alice из Госиздата домой. А вечером опять был у неё. Мы целовались очень страстно. <...>

16 февраля говорили по телефону довольно нежно. Alice завтра едет в Всеволожское до 20-го. Обещала 18-го звонить и написать мне письмо.

16-же вечером был у Липавских. Там был Яков Друскин. Домой вернулся в 11 часов.

17-го. Целый день писал Alice письмо. И вечером послал. <...>

18-го. Alice не звонила. Был днём Гейне. Вечером я пошёл к Эстер. Она лежит больна. <...>

Воскресенье 19 февраля.

Ночью были страшные мысли <...>. Во сне видел Кепку*, но буд-то она белая. Утром пока я ещё спал пришёл Введенский. <...> Ходил в горком. Баузе* и Кальнына* не видел. Анкету не заверил. Встретил Шварца. Заходил к нему и пил чай. Потом долго гулял с ним по улице. Вечером был опять у Эстер. Она всё еще больна. Сегодня у неё была температура 38,9. Я её не трогал по трём причинам: во первых из-за её температуры, во вторых из-за своего бессилия и в третьих потому что люблю Алису Ивановну.

Домой вернулся в 11½ часов и пил чай с Лизой и Владимиром Иосифовичем.

20 февраля говорил с Алисой по телефону. Она приехала. Но в этот де<нь> мы не увиделись. Я пошёл к Эстер. Эстер не позволила к себе прикоснуться. Хорошо. Я ушёл к Липавским.

Пятница 3 Марта.

В конце февраля Алиса была как то у меня. Мы долго говорили. Выяснилось, что она любит Петра Павловича и живёт с ним.

1 Марта. Наташу сократили. Вечером был у Лизы ужин по случаю рождения Кирилла*. Была Алиса Ивановна, и познакомилась она с Лизой. Потом Алиса Ивановна сидела у меня до 3 часов. Мы опять много говорили. Я люблю Алису Ивановну, а она любит Петра Павловича. Тут ещё применен Кондратьев. А я бессилён. А извне угрозы. А я так сильно люблю Алису Ивановну! Вот какое фортофо.

2 Марта. <Б>ыл у Житкова. Бианки, Бармин*, Житков и я обсуждали серию энциклопедических книг.

3 Марта. Был утром у Алисы Ивановны. Она рисовала охотников. Смотрели Гою. Вечером у неё должен быть Пётр Павлович. Я этого не мог вынести и ушёл раньше, чем следовало. Обедал в ленкублитовской столовой. Придя домой не вытерпел и позвонил Алисе Ивановне. Это был напрасный звонок. Вечером чувствовал себя ужасно. С одной стороны так люблю Алису, а с другой стороны — так бессилён. Я сделал нехорошо: я пошёл к Эстер. <...> Я вернулся в 12 домой. Сейчас собираюсь пить зелёный чай, подарок милой Алисы Ивановны.

Воскресенье 10 сентября.

Как часто мы заблуждаемся! Я был влюблён в Алису Ивановну, пока не получил от неё всего, что требует у женщины мужчина. Тогда я разлюбил Алису. Не потому,

что пресытился, удовлетворил свою страсть, и что либо тому подобное. Нет, просто потому, что узнав Алису как женщину, я узнал, что она женщина неинтересная, по крайней мере на мой вкус. А потом я увидел в ней и другие недостатки. И скоро я совсем разлюбил её, как раз тогда, когда она полюбила меня. Я буквально удрал, объяснив ей, что уйду ибо она любит Петра Павловича. Недавно я узнал, что Алиса вышла замуж за Петра Павловича. О как я был рад!

А с Эстер я всё продолжал встречаться. Уже нет той любви, что была когда-то, но во всяком случае Эстер, как женщина, нравится мне, а это, хоть может быть и кажется печальным, — но важно очень. Да, очень важно!

Интересно, что: немец, француз, англичанин, американец, японец, индус, еврей, даже самоед, — всё это определённые существительные как старое россиянин. Для нового времени нет существительного для русского человека. Есть слово «русский», существительное образованное из прилагательного, да и звучит только как прилагательное. Неопределён русский человек! Но ещё менее определён «советский житель». Как чутки слова!

21 сентября.

Читаю Байрона «Преображённый Урод».

Начало с проклятием матери замечательно. Но дальше бесчисленное появление древних героев делается лишним. Байрон слишком увлекается описанием их.

Очень хорош первый разговор Арнольда с неизвестным, до заклинания. Потом идёт появление героев.

Как бездарен рисунок к «Преображ~~енному~~ Уроду»! «Появление тени Ахилла» рис. Мадокс Броун*.

Арнольд, вместо уродливого горбуна, которого даже «...человек избегая, со страхом кругом обойдет», — просто крадущийся юноша, готовый поймать бабочку сидящую на низеньком цветке, а потому согнувший колени и корпус и держащий наготове руки.

Незнакомец, просто высокий человек с усами, для таинственности завернутый в плащ.

Ахилл, который должен быть гигантом в двенадцать логтей ростом, — не выше горбуна. На голове у него каска с куском шестерни, какую изображают на значках Осавиохима. С лицом хорошенькой гувернантки, стоит он в скромной позе провинциального балетного танцора. Мадокс Броун хотел изобразить Ахилла стоящего в водопаде, но жиденькие ахилловы ноги стоят на воде, а не в воде. И вообще водопад саломенный. В руках Ахилл держит два копья, длинной с тросточку, но с большими и широкими наконечниками; впечатление, что он держит в руке вафельницу.

Позор, а не рисунок!

Пьеса делается дальше интересной. Особенно когда дело происходит в самом Риме. Интересно появление Бенвенуто Челлини. Дальше замечательно говорит Цезарь (Мэфистофель). Очень тонок отрывок из III части, где граф Герман ревнует Олимпию.

25 сентября.

О СМЕХЕ.

1. Совет артистам юмористам

Я заметил, что очень важно найти смехотворную точку. Если хочешь чтобы аудитория смеялась, выйди на эстраду и стой молча, пока кто ни будь не рассмеётся. Тогда подожди ещё немного, пока не засмеётся ещё кто ни будь, но так, чтобы все слышали. Только этот смех должен быть искренним, и клакёры, в этом случае, не годятся. Когда всё это случилось, то знай, что смехотворная точка найдена. После этого можешь приступать к своей юмористической програм~~ме~~ и, б~~удь~~ спокоен, успех тебе обеспечен.

2.

Есть несколько сортов смеха. Есть средний сорт смеха, когда смеётся весь зал, но не в полную силу. Есть сильный сорт смеха, когда смеётся только та или иная часть залы, но уже в полную силу, а другая часть залы молчит, до неё смех, в этом случае, совсем не доходит. Первый сорт смеха требует эстрадная комиссия от эстрадного актёра, но второй сорт смеха лучше. Скоты не должны смеяться.

25 Sep.

О Производительности.

Мои творения, сыновья и дочери мои.

Лучше родить трёх сыновей сильных, чем сорок, да слабых.

Не путай производительность и плодливость.

Производительность — это способность оставлять сильное и долговечное потомство, а плодливость это только способность оставить многочисленное потомство, которое может долго жить, но однако может и быстро вымереть.

Человек обладающий производительной силой, обыкновенно бывает, в то же время и плодовит.

20 окт<ября> 1933.

Лучше плохое назвать хорошим, чем хорошее плохим, а потому я говорю, что Шестакович должно быть гений.

20 окт<ября>.

Прослушав два первых действия оперы «Леди Макбет»*, склонен полагать, что Шестакович не гений.

Жан-<Б>атист, Покелин
Мольер.

Я рассматривал одну из трёх сохранившихся подписей Мольера, относящуюся к 1668 году.

Это прекрасная, чёткая подпись, ни одна буква не написана без внимания. Вся подпись выглядит примерно так:

J. B. Poquelin Moliere. j.

[1935]

6 мая 1935 года. Смотрел картину «Частная жизнь Петра Виноградова». Сначала ругался, говоря, что это пошлятина. Но потом даже понравилось. Я люблю сюжет на тему: Человек напряжённым трудом добивается больших дел.

[8 мая 1935 года

Хорошая погода:

9 — встать.
10 $\frac{1}{2}$ — 5 — пляж.
6—7 — обед.
7—9 — писать.

Плохая погода:

10 $\frac{1}{2}$ — встать
11 $\frac{1}{2}$ — 1 — читать.
1—3 — писать.
3—4 — читать.
4—5 — писать.
5—6 — обед.
6—8 — писать.

Пляж:

10 $\frac{1}{2}$ — 12 — читать
12 — 12 $\frac{1}{2}$ — наблюдать.
12 $\frac{1}{2}$ — 2 — сочинять.
2—3 — наблюдать.
3—4 — читать
4—5 — сочинять.

Хорошая погода:

10 $\frac{1}{2}$ — встать.
12—3 — пляж.
3 $\frac{1}{2}$ — 4 $\frac{1}{2}$ — обед.
5—8 — писать.

Пляж:

12—1 — читать
1—2 — сочинять.
2—2 $\frac{1}{2}$ — наблюд<ать>.
2 $\frac{1}{2}$ — 3 — читать.]

Вот уже второй день нет от Марины* писем. Я страшно волнуюсь. 25 мая.

Я мелкая пташка, залетевшая в клетку к большим неприятным птицам. (У Попова в Детском Селе 3 июня 1935 года).

Вот что плохо:

Современный «культурный» вкус.

Тихон Чурилин*.

Пастернак.

Худ. Лебедев*.

Худ. Акимов.

Палеховские мастера.

Изд. Academia

Косые карманы.

Широкие лацканы на мужск<их> пиджаках.

Мода на худощавых женщин.

Танго.

Кино

Тон девиц: Отстаньте!

Оркестр Рейнобль*.

Патефон, Джаз

Сокращение слова из «метрополитен» в «метро».

Одно из основных начал расхождения человеческих путей является пристрастие к худым или полным женщинам.

Хорошо бы в общественных садах отвести алейки для тихого гуляния, с двухместными скамеечками стоящими на расстоянии 2 метров друг от друга, причём между скамеечками насадить густые кусты, чтобы сидящий на одной скамеечке не видел, что делается на другой. На этих тихих алейках установить следующие правила:

1). На алейки запрещён вход детям, как одним, так и с родителями. 2). Запрещён всякий шум и громкий разговор. 3). К мужчине на скамейке имеет право сесть только женщина, а к женщине только мужчина. 4). Если сидящий на скамейке кладёт рядом на свободное сидение руку или какой ни будь предмет, то подсесть нельзя.

Отвести также алейки для одиночного гуляния, с креслами на одно лицо. Между кресел кусты. Воспрещен вход детям, шум и громкий разговор.

Хорошенькие женщины в садах не гуляют.

[1 9 3 6]

Господи, накорми меня телом Твоим

Чтобы проснулась во мне жажда движения Твоего.

Господи напои меня кровью Твоею

Чтобы воскресла во мне сила стихосложения Моего.

13 мая.

Нет пророка без порока.

Всякая нежить бессловесна.

Ключи на столе, — к ссоре.

Девка с полными ведрами, Жид, волк, медведь — добрая встреча.

Наблюдаю в парикмахерской страшных баб. Рожи, нелепые, кривляются, хихикают. Ужасные бабы!

Интересно называть стихи количеством строк.

Ободранные американцы с мужицким акцентом, стоят в очереди за билетами. «Чиво это?» — фальцетом¹.

¹ Возможно, что эта запись и некоторые другие записи рядом относятся к более раннему времени.

Вот рядом, на соседней скамейке сидит дура в коверкоте и читает «Теорию литературы», демонстративно подчеркивая на страницах карандашом. Дура!

Ваш доктор похож на головы с очками выставленные в оптических магазинах.

Нельзя представлять себе семь сфер как раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь сфер. Семь обозначает только некоторое количественное свойство.

Алаф! Сегодня я ничего не успел рассказать тебе. Весь день мне хотелось есть и спать. Я хожу очень вялый и ничем не интересуюсь.

Когда человек привык очень поздно ложиться спать, то ему очень трудно отучиться от этого. Чтобы ложиться рано существует единственный правельный метод: перескочить сутки, т.е. ложиться всё позднее и позднее, сначала поздно ночью, потом рано утром, потом днём и наконец вечером. Так можно добраться до нормального часа.

В грязном падении человеку остается только одно, не оглядываясь падать. Важно только делать это с интересом и энергично.

Я знал одного сторожа, который интересовался только пороками. Потом интерес его съузился, он стал интересоваться одним только пороком. И вот когда в этом пороке он открыл свою специальность и стал интересоваться только одной этой специальностью, он почувствовал себя вновь человеком. Появилась уверенность в себе, потребовалась иррудиция, пришлось заглянуть в соседние области и человек начал расти.

Этот сторож стал гением.

23 декабря 1936 года.

Я сегодня не выполнил своих 3—4 страниц. Почерк у меня сейчас такой, потому что я пишу лежа в кровати.

Даниил Хармс

Вчера папа сказал мне, что пока я буду Хармс, меня будут преследывать нужды.

Даниил Чармс

23 декабря 1936 года.

[1 9 3 7]

②4 Вписываю сюда* события сегодняшнего дня, ибо они поразительны. Вернее: особенно поразительно одно событие, я его подчеркну.

1). Мы вчера ничего не ели. 2). Утром я взял в сберкассе 10 руб. оставив на книжке 5, чтобы не закрыть счёта. 3). Зашёл к Житкову и занял у него 60 руб. 4). Пошёл домой, закупаая по дороге продукты. 5). Погода прекрасная, весенняя. 6). Поехал с Мариной к Буддийской пагоде, взяв с собой сумку с бутербродами и фляжку с красным вином, разбавленным водой. 7). На обратном пути зашли в комиссионный магазин и увидели там фисгармонию Шидмейера двухмануально-го, копию с филармонической. Цена 900 руб. только! Но пол часа тому назад её купили! 7^a). У Alexandr'a видел замечательную трубку. 85 рублей. 8). Пошли к Житкову. 9). С Житковым узнали кто купил фисгармонию и поехали по адресу: Песочная 31 кв. 46 Левинский. 10). Перекупить не удалось. 11). Вечер провели у Житкова.

4 апреля.

Довольно праздности и безделья! Каждый день раскрывай эту тетрадку и вписывай сюда не менее полстраницы. Если нечего записать, то запиши хотя бы по примеру Гоголя, что сегодня ничего не пишется. Пиши всегда с интересом и смотри на писание, как на праздник.

11 апреля 1937 года.

На замечание: «Вы написали с ошибкой». Ответствуй: «Так всегда выглядит в моём написании».

Никаких мыслей за эти дни в голову не приходило, а потому ни сюда, ни в голубую тетрадь я ничего не записывал. Очень дёргают меня зайчики. Вяло работал над Радловским альбомом «Рассказы в картинках». J. По утрам сидел голый. Лишон приятных сил<...>.

Апрель 1937 года.

Боже! Что делается! Я погрязая в нищете и в разврате. Я погубил Марину. Боже, спаси её! Боже спаси мою несчастную, дорогую Марину. 12 мая 1937 года. Марина поехала в Детское, к Наташе. Она решила развестись со мной. Боже помоги

сделать всё безбольно и спокойно. Если Марина уедет от меня, то пошли ей, Боже, лучшую жизнь, чем она вела со мной.

Пришло время ещё более ужасное для меня. В Детиздате придрались к каким то моим стихам и начали меня травить*. Меня прекратили печатать. Мне не выплачивают деньги, мотивируя какими то случайными задержками. Я чувствую, что там происходит что то тайное злое. Нам нечего есть. Мы страшно голодаем.

Я знаю, что мне пришёл конец. Сейчас иду в Детиздат, чтобы получить отказ в деньгах.

1 июня 1937 года. 2 ч. 40 минут.

Сейчас в Детиздате мне откажут в деньгах.

1 июня 1937 года.

Мы погибли.

Я совершенно оупел. Это страшно. Полная импотенция во всех смыслах. Расхлябаность видна даже в почерке.

Но какое сумасшедшее упорство есть во мне в направлении к пороку. Я высиживаю часами изо дня в день, чтобы добиться своего и не добиваюсь, но все же высиживаю. Вот что значит искренний интерес!

Довольно кривляний: у меня ни к чему нет интереса, только к этому.

Вдохновение и интерес — это то же самое.

Уклониться от истинного вдохновения столь же трудно, как и от порока.

При истинном вдохновении исчезает всё и остаётся только оно одно.

Поэтому порок, есть тоже своего рода вдохновение.

В основе порока и вдохновения лежит то же самое. В их основе лежит подлинный интерес.

Подлинный интерес — это главное в нашей жизни.

Человек лишённый интереса к чему бы то ни было, быстро гибнет.

Слишком однобокий и сильный Интерес чрезмерно увеличивает напряжение человеческой жизни; ещё один толчок, и человек сходит с ума.

Человек не в силах выполнить своего долга если у него нет к этому истинного Интереса.

Если истинный Интерес человека совпадает с направлением э<то>го <его?> долга, то такой человек становится великим.

18 июня 1937 года.
В комнате Или.

5 июля 1937 года.

Подойдешь к Марине с нежной душой, а отойдешь с раздражением. И виной тому, должно быть, я—сам.

Не знаю, что и написать, так я растерен и смущён сам. Страшно пусто во мне. Ничем похвастать не могу. Во всём сплошные недостатки.

5 июля новая беда: Марина узнала, что я изменяю ей<...>. Как это нехорошо.

Надо быть хладнокровным, т. е. уметь молчать и не менять постоянного выражения лица.

Когда человек, говорящий с тобою, рассуждает неразумно,— говори с ним ласково и соглашайся.

Когда человек говорит: «мне скучно»,— в этом всегда скрывается половой вопрос. <...>

Создай себе позу и имей характер выдержать её. Когда то у меня была поза индейца, потом Шерлок Холмса, потом йога, а теперь раздражительного невротестника. Последнюю позу я бы не хотел удерживать за собой. Надо выдумать новую позу.

Компендий*:

...«Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь, или себя, то я принимал во внимание не поступки, в которых всё условно, а желания. Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты»...

Чехов «Скучная История».

...В наш век авиации и беспроводного электричества... <...>

Попробуй сохранить равнодушие, когда кончатся деньги.

17 июля.

Вот интересное чувство на пляже: рядом пустое место. Кто ляжет? Ждешь, но обыкновенно сосед оказывается ничем неинтересен.

21 июля. Петропавловский пляж.

К Насте — ненастье.

Я достиг огромного падения. Я потерял трудоспособность совершенно. Я живой труп.

Отче Савва я пал. Помоги мне подняться.

7 августа 1937 года.

Жизнь это море, судьба это ветер, а человек — это корабль. И как хороший рулевой может использовать противный ветер и даже итти против ветра, не меняя курса корабля, так и умный человек может использовать удары судьбы, и с каждым ударом приближаться к своей цели.

Пример: Человек хотел стать оратором, а судьба отрезала ему язык и человек онемел. Но он не сдался, а научился показывать дощечки с фразами, написанными большими буквами, и при этом где нужно рычать, а где нужно подвывать, и этим воздействовал на слушателей ещё более, чем это можно было сделать обыкновенной речью.

Если государство уподобить человеческому организму, то в случае войны, я хотел бы жить в пятке.

Вот уж 7 августа. Я ничего не сделал до сих пор. Сейчас я в Детском (с 1 августа). Состояние моё только хуже. Неврастения, рассеянность, в душе нет радости, полное отсутствие трудоспособности, мысли ленивые и грязные.

Время от времени я записываю сюда о своём состоянии. Сейчас я пал, как никогда. Я ни о чём не могу думать. Совершенно задёрган зайчиками. Ощущение полного развала. Тело дряблое, живот торчит. Желудок расстроен, голос хриплый. Страшная рассеянность и неврастения. Ничто меня не интересует. Мыслей никаких нет, либо, если и промелькнёт какая ни будь мысль, то вялая, грязная или трусливая. Нужно работать, а я ничего не делаю, совершенно ничего. И не могу ничего делать. Иногда только читаю какую ни будь легкую беллетристику. Я весь в долгах. У меня около 10 тысяч неминуемого долга. А денег нет ни копейки и при моём падении нет никаких денежных перспектив. Я вижу как я гибну. И нет энергии бороться с этим. Боже, прошу Твоей помощи!

7 августа 1937 года.

Детское Село.

Я могу точно предсказать, что у меня не будет никаких улучшений и в ближайшее время мне грозит и произойдет полный крах.

7 августа.

Я всё не прихожу в отчаянье. Должно быть я на что то надеюсь, и мне кажется, что моё положение лучше чем оно есть на самом деле. Железные руки тянут меня в яму.

Но сказано «Не всегда забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет». (Пс. IX 19).

28 сентября 1937 года.

Поели вкусно (сосиски с макаронами) в последний раз. Потому что завтра никаких денег не предвидется, и не может их быть. Продать тоже нечего. Третьего дня я продал чужую партитуру «Руслана» за 50 руб. Я расстратил чужие деньги. Одним словом сделано последнее. И теперь уже больше никаких надежд. Я говорю Марине, что получу завтра 100 рублей, но это враки. Я никаких денег ни от куда не получу.

Спасибо Тебе Боже, что по сие время кормил нас. А уж дальше да будет Воля твоя.

3 октября 1937 года.

Благодарю Тя Христе Боже наш, Яко насытил еси земных Твоих благ. Не лиши нас и небесного твоего Царствия.

4 октября 1937 года. Сегодня мы будем голодать.

9 октября, Суббота 10 ч. 40 м. утра 1937 год.

Даю обязательство до Субботы 30 октября 1937 года не мечтать о деньгах, квартире и славе.

Даниил Хармс

Боже, теперь у меня одна единственная просьба к Тебе: уничтож^{<ь>} меня, разбей меня окончательно, ввергни в ад, не остонавливай меня на полпути, но лиши меня надежды и быстро уничтож^{<ь>} меня во веки веков.

Даниил.

23 октября 1937 года. 6 ч. 40 м. вечера.

31 октября 1937 года.

Меня интересует только «чушь»; только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только в своём нелепом проявлении.

Геройство, пафос, удаль, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт — ненавистные для меня слова и чувства.

Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и во^{<с>}хищение, вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех.

13 ноября 1937 года. Иду на заседание секции детских писателей. Я уверен, что мне откажут в помощи и выкинут меня из Союза.

Вот мои любимые писатели:

	Человечеству:	Моему сердцу:
1). <u>Гоголь.</u>	69	69
2). <u>Прутков.</u>	42	69
3). <u>Мейринк.</u>	42	69
4). <u>Гамсун.</u>	55	62
5) Эдвард Лир.	42	59
6). Люис Кэрроль.	45	59

Сейчас моему сердцу особенно мил Густав Мейринк.

14 ноября 1937 года.

16 ноября 1937 года.

Я больше не хочу жить. Мне больше ничего не надо. Надежд нет у меня никаких. Ничего не надо просить у Бога, что пошлёт Он мне, то пусть и будет: смерть так смерть, жизнь так жизнь,— всё, что пошлёт мне Бог. В руке Твои Господи, Иисусе Христе, предаю дух мой. Ты мя сохрани, Ты мя помилуй и живот вечный даруй мне. Аминь.

Я ничего не могу делать. Я не хочу жить.

Элэс* утверждает, что мы из материала предназначенного для гениев.

22 ноября 1937 года.

На что робщу я? Мне дано всё, чтобы жить возвышенной жизнью. А я гибну в лени, разврате и мечтании.

Человек не «верит» или «не верит», а «хочет верить» или «хочет не верить».

Есть люди, которые не верят и не не верят, потому что они не хотят верить и не хотят не верить. Так я не верю в себя, потому что у меня нет хотения верить или не верить.

Я хочу быть в жизни тем же, чем Лобачевский был в геометрии.

Ошибочно думать, что вера есть нечто неподвижное и самоприходящее. Вера требует интенсивного усилия и энергии, может быть, больше, чем всё остальное.

Сомнение — это уже частица веры.

Есть ли чудо? Вот вопрос, на который я хотел бы услышать ответ.

Марина голая, в одной ночной рубашке, выбегала на лестницу и разговаривала с газетчицей. Думаю, что она простудилась. Я страшно обозлился.

23 ноября 1937 года. <...>

Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние. Ничего делать не могу. Всё время хочется спать, как Обломову. Никаких надежд нет. Сегодня обедали в последний раз. Марина больна у неё постоянно температура от 37—37,5°. У меня нет энергии.

30 ноября 1937 года.

[1 9 3 8]

Удивляюсь человеческим силам. Вот уже 12 января 1938 года. Наше положение стало ещё много хуже, но всё ещё тянем. Боже, пошли нам поскорее смерть.

12 января 1938 года.

Так низко как я упал — мало кто падает. Одно несомненно: я упал так низко, что мне уже теперь никогда не подняться.

12 января 1938 года.

Я очень люблю мою Мариночку. Сейчас 9½ часов утра. Я только что вернулся с Петроградской стороны. Сначала был у Валентины Ефимовны. Там были Михайлов* и Анна Семёновна. В 1½ Анна Семёновна пошла домой; я проводил её и пошёл к Липавским. Туда же пришли Михайлов и Валентина Ефимовна. 2 ч. У Липавских в гостях Слонимские*. Много водки и пива. Около 4-х часов все разошлись. У меня дома ночует Марина Ржевужская*. Я знаю, что она легла спать на мой диван. Я не хочу приходить домой среди ночи и всех будить. Поэтому я остался ночевать у Липавских. В 7½ часов я проснулся т. к. закутали меня клопы. Спать я не мог, зажигать света нельзя, чтобы не будить хозяев и курить надо мало. Я просидел в темноте до 9 часов, выкурил две трубки и потихоньку удрал домой.

Дома обе Марины спят. Я сел на пуфик.

Я очень люблю мою Марину.

Раннее утро 24 января 1938 года.

Гармониус.

11 марта 1938 года продал за 200 рублей часы «Павла Буре», подаренные мне мамой.

20 Марта 1938 года.

Подошёл голым к окну. Напротив в доме видно кто-то возмутился, думаю, что морячка. Ко мне ввалился милиционер, дворник и ещё кто то. Заявили, что я уже три года возмущаю жильцов в доме напротив. Я повесил занавески.

Наши дела стали ещё хуже. Не знаю, что мы будем сегодня есть. А уж дальше что будем есть — совсем не знаю.

Мы голодаем.

25 марта 1938 года.

Пришли дни моей гибели. Говорил вчера с Андреевым*. Разговор был очень плохой. Надежд нет. Мы голодаем, Марина слабеет, а у меня к тому ещё дико болит зуб.

Мы гибнем — Боже помоги!

9 апреля 1938 года.

25 мая. Вчера и сегодня был на пляже «Золотом берегу». Вчера — первый раз в этом году. Сегодня (25) приехала Ольга. Я был в бане. Виктор Эдуардович уехал в Туапсе. Поссорился с Мариной, потому что чувствовал, что она внутренне не пускает меня уйти. Вечером я всё же, со скандалом, ушёл.

26 мая. Марина лежит в жутком настроении. Я очень люблю её, но как ужасно быть женатым.

Меня мучает «пол». Я неделями, а иногда месяцами не знаю женщины.

Что приятнее взору: старуха в одной рубашке или молодой человек совершенно голый? И кому в своём виде непозволительнее показаться перед людьми?

1. Цель всякой человеческой жизни одна: бессмертие.
- 1а. Цель всякой человеческой жизни одна: достижение бессмертия.
2. Один стремится к бессмертию продолжением своего рода, другой делает большие земные дела, чтобы обессмертить своё имя, и только третий ведёт праведную и святую жизнь, чтобы достигнуть бессмертия как жизнь вечную.
3. У человека есть только два интереса:
Земной — пища, питьё, тепло, женщина и отдых и небесный — бессмертие.
4. Всё земное свидетельствует о смерти.
5. Есть одна прямая линия на которой лежит всё земное. И только то, что не лежит на этой линии, может свидетельствовать о бессмертии.
6. И потому человек ищет отклонение от этой земной линии и называет его прекрасным или гениальным.

9 июня 1938 года Маришенька уехала от меня и поселилась пока у Варвары Сергеевны*.

[1 9 3 9]

С 16-го апреля 1939 года живёт у нас Юра Фирганг.

С 8-го по 19 апреля сидел дома, был грипп, болел зуб и был без сопог.

9-го была пасха, т<ак> ч<то> 8-го были я и Ник<олай> Вас<ильевич> на пасхальной заутрени.

Стр. 202. Эстер Александровна Русакова (1906—1938) — первая жена Даниила Хармса. Она происходила из семьи иммигрантов, приехавших в СССР из Франции. В 1937 году арестована и погибла в лагере.

Даниил Хармс был одним из основателей и деятельных участников ОБЭРИУ (Объедине-

В комментариях не даны сведения о знаменитостях, которые можно почерпнуть из множества энциклопедий, а также о лицах, которые были знакомы автору дневника и о которых комментатор, к сожалению, не располагает дополнительными биографическими сведениями.

ния Реального Искусства), литературно-театральной группы, существовавшей под крышей ленинградского Дома Печати в 1927—1931 годы.

Стр. 203. Последняя фраза записана тайнописью.

О тайнописи Хармса — в статье Александра Никитаева «Тайнопись Даниила Хармса. Опыт дешифровки» (журнал «Даугава», 1989, № 8, стр. 95—99). Надо сказать, что тайнописный алфавит Хармса богаче, разнообразнее, чем это представлено в статье.

Сестра — Елизавета Ивановна, урожденная Ювачёва. Даниил Хармс, его сестра со своей семьей и отец Хармса и Елизаветы Ивановны Иван Павлович Ювачёв жили в одной квартире (Надеждинская, 11, квартира 8). В дальнейшем иногда просто Лиза.

В своей книге «От двух до пяти» (в первых изданиях называлась «Маленькие дети»), в главе «Заповеди для детских писателей», Корней Чуковский весьма одобрительно цитировал детские стихотворения Даниила Хармса: «Иван Иваныч Самовар» (во 2-м издании. Л., 1929), а также «Врун» и «Миллион» (в 3-м. Л., 1933) и во всех последующих изданиях книги (а их при жизни автора было свыше двадцати).

В «Чукоккале» есть и запись Даниила Хармса: «Совершенно не знаю, что сюда написать...» и так далее, а также автографы его детских и недетских стихов (Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., «Искусство», 1979, стр. 389—390).

Стр. 204. Рене Рудольфовна О'Коннель-Михайловская (1891—1981) — художница. Во время чистки была выслана из Ленинграда и многие годы провела в ссылке.

Татьяна Николаевна Глебова (1900—1985) — художница, ученица П.Н.Филонова. Входила в группу «Мастера аналитического искусства». В те годы неразлучная подруга Алисы Порет.

Казимир Малевич был близок к ОБЭРИУ. Во второй половине 20-х годов он привлекал левых поэтов, в том числе Хармса, к работе Института художественной культуры, в котором был директором. Хармс написал стихи «На смерть Казимира Малевича» и прочел их над гробом 17 мая 1935 года.

Соломон Моисеевич Гершов (1906—1989) — художник. Был вместе с Хармсом и другими арестован «за организацию на основе имеющихся у них контрреволюционных убеждений» нелегальной антисоветской группы литераторов и художников. Был с Даниилом Хармсом в курской ссылке (1932 год).

Дойфбер (Борис Михайлович) Левин (1904—1941) — детский писатель, обэриут (единственный только прозаик в литературной секции ОБЭРИУ, в которую входили главным образом поэты). Погиб на фронте под Ленинградом. В дальнейшем иногда просто Боба.

А. И. В. — Александр Иванович Введенский.

Эстер Соломоновна Паперная (1900—1987) — автор известных литературных пародий («Парнас дыбом») и детская писательница. В конце 30-х годов была репрессирована и вернулась из ссылки в конце 50-х. Вместе с Хармсом любила петь в домашнем кругу народные песни многих стран.

Зигфрид Симонович Кельсон (1892—1938), поэт и переводчик. Репрессирован и погиб.

Стр. 205. Иван Иванович Соллертинский (1902—1944) — музыкальный критик, музыковед, историк театра. Предварял своим вступительным словом концерты в Ленинградской филармонии.

Григорий Георгиевич Бельх (1906—1938) — детский писатель, соавтор Л. Пантелеева по повести «Республика Шкид» (1927). Был репрессирован и умер в тюремной больнице.

«Мистер Блистер» — первоначальное, до печати, название поэмы С. Маршака для детей «Мистер Твистер».

Павел Михайлович Кондратьев (1902—1985) — художник, друг Алисы Порет. Быть может, о нем думал Хармс, когда писал стихотворение «Однажды господин Кондратьев...» (1933).

Стр. 206. Наташа — Наталия Ивановна Колубакина. Петр Павлович Снопков (1900—1942) — театральный художник, друг Алисы Порет и впоследствии ее муж. Репрессирован осенью 1941 года и погиб в ссылке.

Вера Михайловна Ермолаева (1895—1938) — художница. Иллюстрировала произведения Хармса в журналах «Еж» и «Чиж» и одну из первых его детских книжек «Иван Иваныч Самовар» (1929). Была репрессирована и погибла близ Караганды.

Далее следуют зачеркнутые чертежи. Сохранилось несколько чертежей воображаемых квартир, нарисованных Хармсом. Публикация «Даниил Хармс рисует» в журнале «Гугол», 1992, № 1 (в печати).

Стр. 207. По-видимому, Лев Маркович Вайсенберг (1900—1973) — автор биографических книг и переводчик.

Игорь Владимирович Бахтерев (р. 1908) — драматург, поэт, обэриут. В те годы дружил с Хармсом. Сопостановщик пьесы Хармса «Елизавета Бам» на сцене Дома Печати (1928 год).

Мария Вениаминовна Юдина (1899—1970) — пианистка.

Борис Михайлович Эрбштейн (1901—1964) — театральный художник. Был репрессирован и находился с Хармсом в ссылке. Его сестру звали Мирра Михайловна.

Роман Паскаля Груссе (псевд.— Андре Лори, 1844—1909). Перевод с французского. Издавался в 1887 и 1890 годах.

Иракий — по-видимому, Иракий Луарсабович Андроников (1908—1990), в те годы секретарь редакций журналов «Еж» и «Чиж».

Капелла под управлением Климова (бывшая Придворная капелла). Михаил Георгиевич Климов (1882—1937) — хормейстер.

Исай Александрович Браудо (1896—1970) — органист, пианист, музыковед, педагог. Знакомый Т. Н. Глебовой и А. И. Порет.

Анна (Фанни) Семёновна Ивантер (р. 1906) — вторая жена поэта А. Введенского.

Мать и сестра Введенского. Мать, Поволоцкая-Введенская (1872—1935), врач-гинеколог. Сестра, также Евгения Ивановна, педиатр, умерла в 1943 (?) году.

Стр. 208. «Der gute Ton» — «Правила хорошего тона» (нем.).

Родители Эстер Русаковой, первой жены Хармса.

Виктор Львович Кибальчич (1889—1947) — писатель, псевдоним — Виктор Серж. Муж старшей сестры Эстер Русаковой.

Поль Марсель (1908—1973) — композитор, автор модных в свое время романсов и фортепьянных пьес, родной брат Эстер Русаковой. Был репрессирован в 1937 году и вернулся из ссылки в 1956-м.

Стр. 209. Евгений Львович Шварц (1896—1958) — драматург, детский писатель, сотрудник «Ежа» и «Чиж», мемуарист. Екатерина Ивановна Шварц, урожденная Обухова (1903—1963) — его жена.

Иля — домашнее имя Лидии Алексеевны Смирнитской (ум. в 1942-м), экономки, жившей в той же квартире, где и Хармс.

Владимир Иосифович Грицын (1900—1976) — инженер, первый муж сестры Хармса.

Александр Алексеевич Башпилов — один из «естественных философов», которых привечал и изучал Хармс. О Башпилове рассказывают в своих воспоминаниях искусствовед Всеволод Петров («Панорама искусств 13». М., 1990 [1991!], стр. 244) и сын С.Я. Маршака, И.С. Маршак (там же, стр. 248).

Стр. 210. Кирилл Васильевич Струве, физик и драматический актер. Был репрессирован в конце 30-х годов.

Эрнст Эрнстович Гейне. Жил на Литейном проспекте.

Владимир Павлович Матвеев (1897—1935) — писатель, участник гражданской войны. Друг Н. М. Олейникова. Был репрессирован и погиб.

Никандр Андреевич Тюевлев (1905?—1938?), поэт. Репрессирован и погиб.

Татьяна Кирилловна Груздева (1898—1966) — жена литературоведа Ильи Груздева.

Стр. 211. По-видимому, Владимир Семенович Чернецов (1907—1969) — художник.

Кепка — собака Хармса.

По-видимому, Роберт Петрович Баузе — в 30-е годы председатель Ленинградского комитета по радиовещанию.

Ян Антонович Калнынь (1902—1937), писатель и редактор детского радиовещания. Репрессирован и погиб.

См. письмо к Е.И. Ювачевой на стр. 200—201.

Александр Гаврилович Бармин (1900—1952) — детский писатель, автор исторических книг.

Стр. 212. Наверное, Хармс рассматривал рисунок между стр. 308 и 309 в следующем издании: *The Poetical Works of Lord Byron*. Edited, with a Critical Memoir by William Michael Rosseti. Illustrated by Madox Brown. London.

Мадокс Броун (1821—?) — английский художник, иллюстратор.

Стр. 213. Премьера оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова») состоялась 22 января 1934 года (Ленинградский Малый оперный театр, дирижер С. А. Самосуд, режиссер Н. В. Смолич). Хармс, по-видимому, слушал музыку Шостаковича до премьеры.

Стр. 214. Марина Владимировна Малич (1909?—1983?) — вторая жена Даниила Хармса. У нее очень необычная судьба. После гибели Даниила Ивановича она эвакуировалась из блокадного Ленинграда на Северный Кавказ, который оккупировали немцы. Была угнана в Германию. Там узнала, что ее мать, уехавшая за границу еще до октябрьского переворота, живет в Париже. М. Малич добралась до Парижа. Здесь произошел разрыв с матерью. Малич уехала в Южную Америку, родила сына, вышла замуж за русского эмигранта. Последние годы жила в Венесуэле. Содержала книжный магазин.

Тихон Васильевич Чурилин (1885—1946) — поэт.

Владимир Васильевич Лебедев (1891—1967) — художник, больше известен как художник детской книги.

Популярный в 30-е годы джазовый ансамбль.

Стр. 215. «Сюда» — то есть в «Голубую тетрадь». Тетрадь в переплете из голубого шелка, с дневниковыми записями, рассказами, стихами.

Впервые издан в 1937 году, с подписями Даниила Хармса, Н. Гернет и Н. Дилакторской.

Стр. 216. В связи с опубликованной в журнале «Чиж» песенкой Даниила Хармса «Из дома вышел человек» (1937, № 3). Ее сюжет — о том, как «из дома вышел человек» и «с той поры исчез», — был уже не сказочным, а самым что ни на есть реальным.

Стр. 217. Краткое руководство, резюме (лат.).

Стр. 218. Элэс — прозвище Леонида Савельевича Липавского.

Стр. 219. Дмитрий Дмитриевич Михайлов (1892?—1941?), в эти годы преподаватель немецкого языка в университете. Умер в блокаду.

Слонимские — Михаил Леонидович (1897—1972), писатель, и его жена Ида Исааковна (р. 1903).

Марина Николаевна Ржевуская (1915—1982) — дальняя родственница и подруга Марины Малич.

Стр. 220. Сергей Андреевич Андреев (? — 1938?) — тогдашний директор Детиздата. Вскоре был репрессирован и погиб.

Варвара Сергеевна — бабушка М. Малич. Умерла в 1942 году.

Существует ли дневник Даниила Хармса?

«Что за странный вопрос! — скажете вы, — а что же мы только что читали?..»

Между тем вопрос не покажется столь уж странным, если присмотреться к прочитанному и вспомнить судьбу самого автора.

То, что перед нами дневник, — не вызывает сомнений. «Я только что записал всё это в дневник...» — обронил Хармс 22 ноября 1932 года. И действительно, записи 1932—33 годов, сделанные на больших листах грессбуха, следуют день за днем, как это и бывает в дневнике; они обстоятельны и подробны. Но они же и остаются единственными во всей массе дошедших до нас ежедневных записей дневниковыми, д н е в н и к о м. Остальные — как бы записи дневникового свойства. Даже при том, что у Хармса дневник подчас переходит в записную книжку и наоборот, это удивляет.

В чем тут дело? Может быть, прав один из отечественных биографов Даниила Хармса в своем утверждении, что Хармс не оставил дневника?..

Даниила Хармса на протяжении десяти лет арестовывали три раза. И по крайней мере дважды, во время арестов, происходили обыски. Еще живы люди, которые мне об этом рассказывали.

На обысках забирали прежде всего дневники и записные телефонные книжки. Как известно, они лучше всего очерчивали для карательной власти круг интересов и знакомств арестованного. «Заметно выходил из употребления такой предмет, как записная книжка с адресами и телефонами...» — писал в своих воспоминаниях о Хармсе хорошо знавший его в последние годы искусствовед Всеволод Петров. То есть дневник и записная книжка воспринимались как донос на самого себя; дневника, своего же дневника боялись.

Первый раз Хармса арестовали в конце 1931 года по липовому делу «Детского сектора Госиздата», где готовились к печати все его детские книжки. Сначала держали в тюрьме, а потом вместе с друзьями и «подельниками», среди которых был и гениальный Александр Введенский, сослали в Курск. Разумеется, дневник, который Хармс вел до ареста, должен был быть изъят при обыске, и остались лишь разрозненные записи за предыдущие годы. Подробнейшие записи с ноября 1932 года свидетельствуют о том, что дневник у Хармса был и раньше. Так — вдруг — с места в карьер — на двадцать седьмом году жизни — не начинают: «В субботу произошло следующее...»

В дневнике Хармса заметны зияния целых лет. Так, не существует ни одной записи 1934 года, до мая 1935-го. И причина этого в том, что 1934—1935 годы — время чистки Ленинграда от неблагонадежных и высылки их из города. Хармс, который уже однажды сидел, конечно, находился под подозрением. И либо не вел дневника из страха, либо этот дневник был изъят у него при обыске.

Исчез и его предвоенный дневник. А он тоже существовал. Сестра Хармса, Елизавета Ивановна Ювачёва, вспоминала, что жена Хармса, Марина, читала ей в начале войны записи из этого дневника, и они были крайне пессимистические. Война пугала Хармса. Он предчувствовал, что не переживет это время. Вспомним сохранившуюся запись 1937 года: «Если государство уподобить организму, то в случае войны я хотел бы жить в пятке».

Итак, многие страницы из дневника утрачены, и по всей вероятности безвозвратно. Однако возблагодарим судьбу за то, что она сохранила хотя бы эти страницы.

Судьбу — и друга Хармса Якова Семеновича Друскина. Именно ему, слабеющему от голода, передала в блокадном Ленинграде рукописи Хармса, и в том числе дневниковые страницы, жена Даниила Ивановича, Марина Малич, а потом, спустя два года, с оставшимися рукописями то же сделала сестра Хармса Елизавета Ивановна. И Друскин берег эти рукописи долгие годы как самую большую драгоценность. Он сложил их в чемоданчик и не расставался с ним ни на час. Он носил его с собой в бомбоубежище во время немецких налетов, а затем увез в эвакуацию. Благодаря этому мы вообще можем говорить о Хармсе-писателе и читать его вещи. Потому что, если бы рукописи погибли, как и сам автор, мы бы рассуждали лишь о Хармсе «детском».

Я. Друскин два десятилетия не решался открыть чемоданчик для посторонних глаз. Но в середине 60-х годов предоставил его содержимое первым исследователям. Впрочем, дневниковые страницы стали доступны только еще через два десятилетия, сорок лет спустя после гибели Хармса, в недавние годы, когда вместе с другими хармсовскими рукописями они попали в государственный архив.

Ни об одном русском писателе не ходит столько невероятных историй и легенд, сколько о Данииле Хармсе. Какие только проделки ему не приписывают!

Как на пари он взялся пройти по людной улице в совершенно невообразимом виде: в канотье без дна, с торчащими волосами, в военных галифе и домашних тапочках на босу ногу, в пиджаке без рубашки и с огромным крестом на груди...

Как по дороге на концерт набрал сосулек и потом в артистической, стоя близко к знаменитому музыканту, засовывал эти сосульки ему в карман. И как во время концерта торжествовал, когда на сцене из карманов потек ручеек.

Как, завязав знакомой глаза, долго вел ее неизвестно куда и приводил на ненавистный ей бокс, наслаждаясь, когда снималась повязка, ее испугом и отвращением...

И так далее и тому подобное.

Наверное, мы бы питались только такими историями и биография Хармса была бы составлена из подобных полуправдивых выдумок, если бы... если бы он сам не явился нам совсем в другом образе. И сделал это в своем дневнике.

Дневник открыл подлинного Хармса. Со всеми его мечтами и мыслями, страданиями и увлечениями, желаньями и страхами.

В последний раз он был заключен в тюрьму 23 августа 1941 года, когда ему было всего 35 лет. Чем жил этот молодой человек? чем жила его душа?

Он сам открыл нам свое заветное, свой интимный мир, и перед нами прошли все, кого он любил на протяжении пятнадцати лет, до своей гибели. Первая и, пожалуй, самая сильная любовь — Эстер Русакова. Героиня романа — художница Алиса Порет, романа, в котором она сама никогда не признавалась. Любовь и брак с Мариной Малич... Нет, никто бы не рассказал об этих увлечениях поэта правдивее и чище, чем он сам.

Но дневник осветил и главное в Хармсе-поэте, и в тех именно словах и выражениях, в каких он думал о себе сам. Как известно, он всю жизнь писал «взрослую» прозу, стихи, пьесы. Но кроме двух «взрослых» стихотворений, не мог опубликовать из написанного ничего. Импульсы этого беспримерного по своей целеустремленности творчества навсегда остались бы загадкой, и для читателя и для исследователей, если бы не голос, собственные признания самого писателя.

«Мои товарищи, сыновья и дочери мои...» — в таких, напомним, выражениях обращался он к своим стихам, рассказам и сценам. Он, не имеющий своих детей и, по мнению близких и собственному признанию, не любивший детей вообще. «Лучше родить трёх сыновей сильных, чем сорок, да слабых...» Произведения, рожденные таким сильным чувством, не могли не быть прекрасными.

Да, мы знали о тяготах его жизни. Тяготах жизни художника в обществе, в которое никогда не вписывается человек его склада и его таланта. Страшно читать его записи 1937 и 1938 годов, когда он молит Бога о смерти.

И чтобы стало очевидно, какое значение для нас, потомков, может иметь этот дневник, этот правдивейший документ, скажем, что многие записи в нем явились откровением даже для тех, кто хорошо знал Даниила Хармса и жил с ним рядом.

Публикация, вступительное слово и послесловие
ВЛАДИМИРА ГЛОЦЕРА.

В то время, когда эти страницы записных книжек, писем и дневников Даниила Хармса находились в печати, в Париже в сборнике «Минувшее», вып. 11 (1991) появилась обширная публикация «Дневниковые записи Даниила Хармса», составленная А. Устиновым и А. Кобринским (в комментариях — некоторые письма Хармса), — к сожалению, с текстологическими ошибками, вызванными, по-видимому, невозможностью сверить корректуру с автографами, и с фактологическими неточностями в комментариях.

РУССКАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ

МИНУВШЕЕ. Исторический альманах. Ред. В. Аллой. Вып. 11. Париж. Athanapap. 1991. 612 стр.

В то время, когда облик большинства советских изданий, посвященных истории и культуре, еще определялся классовым подходом, альманах «Минувшее», продолжавший достойные традиции исторических сборников «Память», непредвзято и профессионально освещал новейшую русскую историю, публикуя документальные материалы и аналитические статьи. Но и в нынешнюю бесцензурную эпоху, имея множество конкурентов, альманах не утратил своего лица (обзор всех выпусков — тема специальной работы).

В открывающем сборник разделе «Воспоминания» помещены свидетельства о русской жизни рубежа XIX — XX веков (А. А. Корнилов), периода первой мировой войны и первых лет советской власти (Б. Н. Лосский, В. А. Решикова). В разделе «Из наследия отечественной философии», содержащем неопубликованные работы М. О. Гершензона и Л. М. Лопатина, особое внимание привлекает публикация В. Проскуриной и В. Аллой «К истории создания „Вех“», показывающая, как задумывалось и осуществлялось одно из самых интересных философских начинаний предреволюционной эпохи. Рубрика «Из истории литературной жизни» содержит письма Марины Цветаевой другу юности П. И. Юркевичу, воспоминания А. И. Тарасова-Родионова о последних днях Сергея Есенина, письма известного переводчика И. Б. Мандельштама Б. М. Эйхенбауму. Ключевым материалом тома, на наш взгляд, является обширная публикация дневниковых записей Д. И. Хармса, осуществленная А. Кобринским и А. Устиновым. Аккумулируя исследовательский опыт нескольких поколений, публикация, несмотря на свой «сугубо предварительный характер», имеет большое значение для всех, кого история ОБЭРИУ интересует не только во внешне карнавальном, но и во внутренне концептуальном аспекте.

ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ. London (Канада). «Заря». 1990. 88 стр.

Едва ли можно сомневаться в том, что старчество имело для русской культуры не узкоконфессиональное, но мировоззренческое и во многом жизнестроительное значение. Столь же очевидно и то, что Оптина пустынь, овеянная именами Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, не просто монастырь, но один из живых символов русской культуры. Помещенные в книге жития оптинских старцев, охватываю-

щие период от основания монастыря до его закрытия в 1924 г., сочетают в себе естественную архаичность повествования с глубиной и ясностью религиозного чувства.

СОБРАНИЕ ПИСЕМ БЛАЖЕННЫХ ПАМЯТИ ОПТИНСКОГО СТАРЦА МАКАРИЯ М. 1862. London (Канада). «Заря» (б. г.). 762 стр.

Книга представляет свод писем, с которыми преподобный Макарий Оптинский (1788—1860) обращается к своей пастве. Безыскусная документальность писем старца Макария (среди адресатов которого был, между прочим, и И. В. Киреевский) удачно дополняет высокую торжественность его жизнеописания, данного в предыдущей книге. Несмотря на все трудности репринтного воспроизведения книги более чем столетней давности, «Собрание писем...» издано с безукоризненным полиграфическим изяществом.

С. Г. ПУШКАРЕВ. Обзор русской истории. London (Канада). «Заря». 1990. 502 стр.

Книга являет собой сжатое изложение русской истории от принятия христианства до Февральской революции. Придав своему очерку строгую хронологичность, автор активно вводит в текст летописные свидетельства, широко цитирует виднейших русских историков, не забывая о том, что лишь строгая фактографичность и беспристрастный учет взаимопроверяющихся мнений могут вызвать у читателя доверие к историческому повествованию.

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Собрание сочинений. Под ред. Дж. Мальмстада и Р. Хьюза. Т. 2. Статьи и рецензии. 1905—1926. Ann Arbor. «Ardis». 1990. 574 стр.

Подготавливаемое Дж. Мальмстадом и Р. Хьюзом собрание сочинений В. Ф. Ходасевича является на сегодняшний день тем академическим ориентиром, с которым необходимо сверяться всем изучающим творчество поэта. Благодаря кропотливым поискам, произведенным составителями в периодической печати и доступных им архивохранилищах, собрание сочинений вводит в научный оборот ранее не известные тексты Ходасевича. Не составляет исключения и нынешний том, содержащий «литературные статьи, рецензии, фельетоны 1905—1926 гг.», а также стихотворные дополнения к предыдущему тому. Необходимые текстологические и историко-литературные пояснения содержатся в лаконично-информативном комментарии.

МИХАИЛ КУЗМИН. Проза. Ред. и примеч. В. Маркова и Ф. Шольца. Тт. I—IX. 1984—1990. Berkeley Slavic Specialities.

Задача, взятая на себя составителями этого многотомника, намного скромнее. Первые

семь томов представляют собой перепечатку прозаических сборников, составленных самим Кузминым: две заключительных книги — попытка собрать тексты, разрозненные по журналам и архивам. Столь объемное собрание прозы Кузмина — современное подспорье кузминоведческим студиям, переживающим ныне настоящий расцвет.

БОРИС ФИЛИППОВ. Всплывшее в памяти. Рассказы. Очерки. Воспоминания. London. Overseas Publications Interchange Ltd. 1990. 392 стр.

Поэт, прозаик, критик и исследователь русской культуры Б. А. Филиппов (1906—1991) известен советскому читателю главным образом благодаря подготовленному им (совместно с Н. А. и Г. П. Струве) четырехтомному собранию сочинений О. Э. Мандельштама, выходящему в 1967—1981 гг. в Издательстве им. Чехова. Если отбросить исследовательские придирки и торопливые «пересмысления» значимости этих четырех томов, необходимо признать, что именно они открыли советскому читателю настоящего Мандельштама. Столь же значительную роль сыграли в заполнении зияющих пустот советской литературы осуществленные при активном участии Филиппова собрания сочинений

А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева, Н. А. Клюева и Е. И. Замятина. Аннотируемая книга — своего рода биографический итог автора, осуществленный в полифонии жанров: короткие новеллы сменяются цельным повествованием о «советском» периоде жизни Филиппова, которое, в свою очередь, плавно перетекает в диалог автора и персонажей его мемуаров... Завершается книга литературоведческим обзором «Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе».

С. П. МЕЛЬГУНОВ. Судьба императора Николая II после отречения. Париж. 1951.— Нью-Йорк. «Телекс». 1991. 424 стр.

Републикация обстоятельного труда С. П. Мельгунова продолжает ряд исследований по истории большевизма, выпускаемых издательством «Телекс». Тщательно документированное исследование Мельгунова, написанное в Париже во время фашистской оккупации, выгодно отличается от бесчисленных беллетризованных псевдосвидетельств, охотно воспроизводимых отечественными републикаторами.

Составитель К. Ю. ПОСТОУТЕНКО.

Редакция благодарит издательство «Заря» за помощь в подготовке раздела.

Читайте в следующем номере:

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Вечерние раздумья

Заключительная глава из книги «Последний поклон».

Редакция рукописи не рецензирует.

Рукописи объемом менее 2 п. л. авторам не возвращаются.

Редакция не имеет возможности ходатайствовать по частным делам.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются местные и областные отделения «Союзпечати».

Главный редактор **С. П. Залыгин**

Редакционная коллегия:

В. П. Астафьев, А. Г. Битов, В. М. Борисов (зам. главного редактора), **А. В. Василевский** (ответственный секретарь), **Ф. К. Вятрашк**, **Д. А. Гранин, В. А. Костров, Д. С. Лихачев, П. А. Николаев, В. Ю. Потапов** (зам. главного редактора), **И. Б. Роднянская, В. И. Селюнин, М. В. Тимофеева, Е. Л. Храмов, М. О. Чудакова, О. Г. Чухонцев**

Технический редактор **А. Гинзбург**

Свидетельство о регистрации № 138 от 27 сентября 1990 г. в Министерстве печати и массовой информации РСФСР.

Адрес редакции: 103806, ГСП, Москва, К-6, Малый Путинковский пер., д. 1/2. Тел. 200-08-29.

Сдано в набор 20.09.91 г. Подписано к печати 27.11.91 г. Компьютерный оригинал-макет изготовлен в Издательском центре «Новый мир». Формат бумаги 70 × 108/16. Бумага кн.-журн. Высокая печать. Объем 16 п. л. (23,8 усл.-печ. л., 24,0 усл. кр.-отт.). 28,02 уч.-изд. л.

Тираж 250 000 экз. Зак. 4805. Цена 4 р. 70 к. (по подписке).

При участии издательства «Известия». 103798, Москва, Пушкинская пл., 5.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова издательства «Известия». 103798, Москва, Пушкинская пл., 5.

RUSSIAN BOOKS Russische Bücher LIVRES RUSSES РУССКИЕ КНИГИ

ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ БОГОСЛОВ
ИЕ ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИЯ БОГОСЛО
ВИЕНАУКА ПОЛИТИКА ЛИТЕРАТУР
А ИСТОРИЯ БОГОСЛОВИЕ ФИЛОСО
ФИЯ ПОЭЗИЯ БОГОСЛОВИЕНАУКА
ПОЛИТИКА ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ
БОГОСЛОВИЕ ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИ
Я БОГОСЛОВИЕНАУКА ПОЛИТИКА
ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ БОГОСЛОВ
ИЕ ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИЯ БОГОСЛО
ВИЕНАУКА ПОЛИТИКА ЛИТЕРАТУР
А ИСТОРИЯ БОГОСЛОВИЕ ФИЛОСО
ФИЯ ПОЭЗИЯ БОГОСЛОВИЕНАУКА
ПОЛИТИКА ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ
БОГОСЛОВИЕ ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИ
Я БОГОСЛОВИЕНАУКА ПОЛИТИКА
ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ БОГОСЛОВ
ИЕ ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИЯ БОГОСЛО
ВИЕНАУКА ПОЛИТИКА ЛИТЕРАТУР
А ИСТОРИЯ БОГОСЛОВИЕ ФИЛОСО
ФИЯ ПОЭЗИЯ БОГОСЛОВИЕНАУКА
ПОЛИТИКА ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ

почтой — to order — a commander:

A. NEIMANIS

Kataloge — каталоги

A. NEIMANIS

Издательство

Книготорговля

Агентство по охране авторских прав

A. Neimanis Buchvertrieb & Verlag

Hans-Sachs-Str. 10, 8000 München 5,

Germany Tel: 089/26 30 76, FAX 26 30 77